ОТЪ КОСТРОМЫ ДО СОЛЬ-ГАЛИЧА.

(Изъ воспоминаній о зимней поѣздкѣ по Костромской губерніи въ 1857 г.)

Первая станція отъ Костромы по галицкой дорогѣ—деревня Калинки, 22½ версты. На этомъ разстояніи только одна господская усадьба: Зиновьево, въ 17-ти верстахъ отъ города, и, вслѣдъ за нею, деревня Дровинки. До Калинокъ я проѣхалъ въ легонькой кибиткѣ тройкою въ рядъ. Но отсюда къ Галичу и Кологриву проѣзжающихъ и обозовъ менѣе; отчего дорога у́же, съ безчисленнымъ множествомъ раскатовъ и ухабовъ или шибней. По обѣ стороны торной дорожки глубокій снѣгъ, въ которомъ вязнутъ возы, лошади и люди. Просто бѣда, если на встрѣчу попадется проѣзжающій, а еще хуже обозъ. Кому нибудь да надо своротить. Куда какъ неохотно обозники уступаютъ дорогу почтовому ямщику. Иная лошаденка совсѣмъ уйдетъ въ снѣгъ вмѣстѣ съ возомъ; побарахтается немного да и пристанетъ: только и видны, что спина да голова.

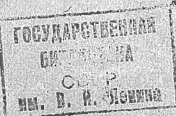
Отъ Калинокъ до заштатнаго города Судиславля 28 верстъ. Мы ѣхали эту станцію *паратцемъ*, т. е. одна лошадь въ корню, а пара впереди. Далѣе дорога становится еще у́же, такъ что даже паратная ѣзда затруднительна и можно ѣхать только гусемъ. По дорогѣ къ Судиславлю попадаются восемь селеній или по тамошнему *жилъ*, въ томъ числѣ село Болотово съ каменною церковію, и господская усадьба. Въ Судиславль пріѣхали мы въ потемкахъ; я едва могъ различить церковь, противъ самой станціи, на высокомъ берегу рѣчки Корбы. Въ городѣ четыре кожевенныхъ завода съ 40 и 60 рабочихъ въ каждомъ, и нанковая фабрика съ 30 рабочими.

Судиславль былъ сначала приписнымъ городомъ костромской провинціи и управлялся воеводою, а въ 1778 году, при открытіи костромскаго намѣстничества, сдѣланъ посадомъ и приписанъ къ Буевскому уѣзду. Въ 1791 году въ немъ было домовъ 81 и жителей: купцовъ муж. п. 114, жен. 117 и мѣщанъ муж. п. 134, жен. 141. Раскольниковъ во всемъ Буевскомъ уѣздѣ было немного и они отъ церкви себя не отчуждали. Въ Судиславлѣ не было тогда ни фабрикъ, ни заводовъ; только по понедѣльникамъ происходили торги,

на которые съѣзжалось до 300 подводъ съ крестьянскимъ товаромъ и сбиралось до 1000 человѣкъ простаго народа. Судиславльскіе торговцы ѣздили по деревнямъ, вымѣнивая всякіе крестьянскіе товары: холстъ, сало, масло и бѣлые сухіе грибы на московскіе шелковые платки и красную пряжу. Грибовъ отправлялось въ Москву и Петербургъ не менѣе какъ на 20,000 р. по тогдашнему курсу; льняная пряжа отсылалась также какъ и теперь въ Кострому и Кинешму на тамошнія фабрики.

Такова была населенность и торговая дѣятельность Судиславля 70 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ цифра населенія, какъ видно по свѣдѣніямъ, изданнымъ въ 1858 году статистическимъ отдѣломъ центральнаго статистическаго комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, измѣнилась довольно страннымъ образомъ, именно: въ 1856 году въ Судиславлѣ показано жителей 289 мужеск. п., 894 женскаго пола, т. е. женщинъ втрое болѣе противъ мужчинъ. Вѣрно ли однако свѣдѣніе, что въ Судиславлѣ такое царство женщинъ,—за это отвѣтствуетъ центральный статистическій комитетъ.

Жители города, въ которомъ до 30 капиталовъ 2-й и 3-й гильдій, занимаются какъ и въ старину торговлею всякимъ сельскимъ товаромъ. Разъѣзжая и разсылая прикащиковъ по деревнямъ, они скупаютъ холсты, коровье масло и сырыя кожи, впрочемъ, кожи привозятся въ Судиславль преимущественно изъ Казанской губерніи и изъ слободы Кукарки Вятской губерніи. Всѣ эти товары идутъ изъ Судиславля въ Петербургъ, Нижній, Москву и Архангельскъ. Нѣкоторые купцы, напр. Захаровы, Третьяковъ и другіе, закупаютъ въ Москвѣ и Петербургѣ шелковыя, шерстяныя матеріи и галантерейныя вещи, развозятъ свой товаръ по ярмонкамъ и торжкамъ и отправляютъ его въ Архангельскую, Вологодскую и Сибирскія губерніи. Они держатъ для этой цѣли возовъ по 15 и по 20. Главная торговля, составляющая спеціальность Судиславля, по которой онъ извѣстенъ всюду въ торговомъ мірѣ, есть торговля грибами. Судиславль въ полномъ смыслѣ—центръ грибной торговли. Мало того, что окрестные крестьяне привозятъ сюда свѣжіе, соленые и сушеные грибы для продажи оптовымъ торговцамъ,—здѣшніе купцы и прикащики, зная въ какихъ мѣстахъ какіе водятся грибы и какого качества, сами ѣздятъ по деревнямъ и скупаютъ грибы даже въ Ярославской губерніи. Въ Судиславлѣ ихъ сорти-

руютъ, разумѣется, не безъ снаровокъ: сухіе нанизываютъ, соленые укладываютъ въ кадушки и боченки и отправляютъ въ Москву, Петербургъ, Казань и Нижній. Лучшіе грибы доставляются изъ Кологрива и въ особенности изъ посада Парфентьева, который такъ же славится своими бѣлыми грибами, какъ напр. Царицынъ арбузами или Кизляръ виноградомъ. Какъ Судиславль—центръ грибной торговли, такъ Парфентьевъ можетъ быть названъ центромъ грибной промышленности: онъ окруженъ обширными боровыми лѣсами на сухомъ, песчаномъ грунтѣ; а извѣстно, что на сухой почвѣ грибы бываютъ плотные и твердые, между тѣмъ какъ въ мшарныхъ и болотныхъ лѣсахъ они дряблы и ноздреваты. Нѣкоторые Судиславльскіе купцы имѣютъ изъ мѣстныхъ жителей коммисіонеровъ для закупа грибовъ, другіе купцы выдаютъ задатки Парфентьевскимъ и прочимъ крестьянамъ и заранѣе заказываютъ, чтобы они готовили имъ грибные запасы. Многіе крестьяне оплачиваютъ грибами подати и оброки. Къ сожалѣнію, по недостатку времени, мнѣ не удалось собрать болѣе подробныхъ свѣдѣній о здѣшней грибной торговлѣ и промышленности.

Судиславль считается гнѣздомъ костромскихъ раскольниковъ поморскаго толка. Число ихъ въ послѣдніе годы уменьшилось; они посѣщаютъ православные храмы, но не пріобщаются св. таинъ. Нѣкогда жилъ здѣсь богатый раскольникъ и ересеучитель Папулинъ, сосланный по суду за то, что совращалъ въ расколъ. Домъ Папулина проданъ съ публичнаго торга и новымъ владѣльцемъ своимъ разобранъ до основанія, такъ что и слѣдовъ его теперь почти не осталось. Папулинъ велъ самую строгую, безбрачную жизнь. Въ его домѣ укрывались раскольники и бродяги и будто бы дѣлали фальшивую монету. Онъ выходилъ иногда, какъ разсказываютъ городскіе жители, на улицу съ кошелькомъ, наполненнымъ деньгами, и раздавалъ нищей братіи по 5 и по 10 р. ас. на человѣка, безъ разбора, кто бы ни были нищіе, православные или раскольники. Послѣ ссылки Папулина, посадъ Судиславль обращенъ въ заштатный городъ; съ тѣмъ вмѣстѣ учреждена въ немъ градская полиція и открыто приходское училище.

Въ городѣ до 15 каменныхъ домовъ; строенія вообще хорошія и содержатся опрятно. Противъ большаго гостинаго двора, на площади, бываетъ ежегодно, 24 іюня, въ Ивановъ день, многолюдная

и оживленная ярмонка. На выѣздѣ къ г. Галичу, по продолженію главной улицы, тянется длинный рядъ закоптѣлыхъ кузницъ, а отъѣхавъ съ версту, надо подниматься въ гору, съ которой весь городъ и его двѣ каменныя церкви видны какъ на ладони.

Въ окрестностяхъ Судиславля много барскихъ усадьбъ; всѣ крестьяне господскіе и по большой части издѣльные; обыкновенный въ здѣшнихъ мѣстахъ оброкъ въ господскихъ имѣніяхъ, отъ 15 до 25 р. с. съ тягла; сверхъ того крестьяне отправляютъ нѣсколько рабочихъ дней въ году и подаютъ извѣстное число аршинъ новины (узкаго холста).

Отъ Судиславля до слѣдующей станціи въ большомъ торговомъ селѣ Вороньѣ—21 верста. По дорогѣ, извивающейся малолѣсными мѣстами, только три жила; кое гдѣ подходятъ къ самой дорогѣ молодыя поросли, да по окраинамъ и межникамъ полей, глубоко занесенныхъ снѣгомъ, тянутся *зауеви*, т. е. длинныя и узкія полоски кустовъ и деревьевъ, которыя служатъ живою изгородью между полями. Обыкновенно, снѣгъ, сдуваемый съ полей, ложится наносами къ зауевямъ, вслѣдствіе чего весною, на этихъ мѣстахъ, онъ долѣе держится, чѣмъ на мѣстахъ открытыхъ, и замедляетъ всходъ хлѣбовъ, которые иногда и пропадаютъ здѣсь отъ чрезмѣрной и продолжительной сырости.

Въ селѣ Вороньѣ, принадлежащемъ 17-ти помѣщикамъ, считаютъ до 1000 душъ. Крестьяне очень зажиточны. Они ведутъ большой торгъ холстомъ, полотнами, коровьимъ масломъ, но въ особенности хлѣбомъ, скупаемымъ по усадьбамъ. Одинъ крестьянинъ помѣщика Дмитріева имѣетъ въ селѣ заводъ сальныхъ свѣчей и торгуетъ болѣе чѣмъ на 10,000 р. с., но еще богаче его братъ, по ремеслу обручникъ, имѣющій въ Москвѣ большое заведеніе и занимающійся подрядами. Здѣшнія бабы извѣстны какъ хорошія, неутомимыя пряхи: онѣ ходятъ осенью по деревнямъ и усадьбамъ для обдѣлки льна и называются въ народѣ *Воронками*. Вознагражденіе за работу онѣ получаютъ деньгами и льномъ.

Въ описаніи Костромскаго намѣстничества, составленномъ, въ 1792 году, Костромскимъ директоромъ домоводства полковникомъ Васьковымъ (*), сказано, что село Воронье, состоявшее вмѣстѣ

(*) Это описаніе, въ рукописи, за подписью г. Васькова, представлено мною въ Императорское Географическое общество.

съ Судиславлемъ въ Буевскомъ уѣздѣ, отличалось и въ то время торговою дѣятельностію: на двухдневную ярмонку 12 и 13 іюня съѣзжалось тогда отъ 2 до 3 тысячъ народа, пріѣзжали купцы и мѣщане изъ Галича, Буя и Судиславля съ шелковыми, бумажными, набойчатыми и гарусными матеріями и другимъ краснымъ товаромъ, а крестьяне привозили сюда для мѣны и продажи свои рукодѣлья: холсты, узкія сукна, шапки (изъ села Молвитина), мелкую деревянную и глиняную посуду, лапти, желѣзныя подѣлки, съѣстные припасы, и проч. Всего товару привозилось примѣрно на 10,000 р. ас. На еженедѣльные торги, по субботамъ, крестьяне пригоняли скотину, доставляли лѣсныя произведенія и пр. Въ настоящее время торговая дѣятельность не измѣнила своей спеціальности, но сдѣлалась обширнѣе. По субботамъ сюда пріѣзжаютъ отвсюду купцы и торговые крестьяне. Въ селахъ Молвитинѣ Буевскаго уѣзда, Колшевѣ Кинешемскаго уѣзда, но преимущественно въ Вороньѣ, лежащемъ на коммерческомъ трактѣ, соединяющемъ означенныя два селенія, на осеннихъ торгахъ бываетъ значительный пригонъ гуртовъ рогатаго скота, который скупается даже Ярославскими мясниками. До Крымской войны четверть овса стоила здѣсь 3 р. 50 к. и 5 р. ас. (*), а въ 1857 г. цѣна поднялась до 6 р. 50 к. ас. (**). Скупщики - кулаки возятъ отсюда хлѣбъ на волжскія пристани, именно въ Плесъ и Кинешму, а также на фабрики въ шуйскій и вязниковскій уѣзды. Сюда пріѣзжаютъ купцы и прикащики даже изъ Петербурга и Москвы и скупаютъ холсты, полотна и коровье масло. Въ селѣ есть постоянныя лавки съ фарфоромъ, виноградными винами, краснымъ и даже шелковымъ товаромъ, словомъ, что въ Судиславлѣ, то и въ Вороньѣ. Жаль только, что народъ здѣшній, противъ сосѣдей, озорниковатъ и грубъ. Теперь въ Вороньѣ стало смирнѣе, а прежде, говорятъ, зачастую случались разбои. Къ ночи, проѣзжіе или не доѣзжали или проѣзжали Воронье, а въ немъ на ночлегъ боялись останавливаться. Бывало, подъ окномъ кричатъ: рѣжутъ!, а никто на крикъ и не выглянетъ. Воронцы и теперь ни за что другъ друга не выдадутъ и

(*) Въ народѣ, какъ извѣстно, не только по деревнямъ, но и въ уѣздныхъ городахъ, и по сіе время продолжаютъ вести счетъ на ассигнаціи.

(**) Теперь она возвысилась до 2 р. 25 к. и даже до 2 р. 50 к. серебр.

скорѣе готовы идти на ложную присягу, лишь бы выручить своего брата изъ бѣды.

На всемъ пространствѣ отъ Костромы до Судиславля и Кинешмы лѣса значительно изведены; оттого хлѣбныя поля здѣсь, по большой части, не загораживаются и крестьяне нанимаютъ пастуховъ для своихъ стадъ. Въ сѣверныхъ и восточныхъ лѣсистыхъ уѣздахъ, напротивъ того, поля непремѣнно загораживаются, а стада и табуны пасутся безъ всякаго надзора.

Отъ Воронья слѣдующая станція деревни Жарки, 23¼ версты. На первыхъ четырехъ верстахъ два жила; дорога безлѣсная и мѣста ровныя; потомъ тянется лѣсъ до господской деревни Папиной, вслѣдъ за которою и станокъ, куда мы прибыли уже въ сумерки. Почти у самой *поскотины* (околицы) передовая лошадь испугалась двухъ волковъ и круто шарахнула въ сторону; за нею повернула вся запряжка; кибитка кувыркнулась чуть не вверхъ полозьями и завязла въ глубокій снѣгъ, такъ что ее съ трудомъ вытащили вмѣстѣ съ лошадьми на дорогу. Едва проѣхали мы нѣсколько саженъ, — опять таже исторія; волки не испугались криковъ, которыми мы хотѣли отогнать ихъ. Изъ предосторожности ямщикъ сѣлъ верхомъ на передовую лошадь; мой слуга взялъ возжи, и такъ мы доѣхали до станціи.

Здѣшній смотритель былъ прежде на Ивановской станціи, между Парфентьевымъ и Кологривомъ. Тамошній народъ, по его разсказамъ, сѣрый, лѣсной, лѣнивый, впрочемъ уступчивый и покорный; бабы до того дики, что прячутся отъ проѣзжающихъ. Вся работа лежитъ на бабѣ, а мужикъ зимою будто бы грѣется только на печи; особенно кто работалъ въ городѣ да пришолъ домой на побывку, тотъ и не притронется за дѣло. Мужикамъ лѣнь даже обмолотить разомъ весь хлѣбъ, а какъ понадобится хлѣбъ на ѣду или на пиво, то и обмолотятъ овинъ или два, потомъ опять на бокъ, а тамъ, чрезъ нѣсколько времени, помолотятъ еще и опять на бокъ. Не только мужики, бабы, но даже мальчишки большіе охотники до хмѣльнаго пива, которое варятъ въ глиняныхъ двухведерныхъ корчагахъ и пьютъ въ большихъ деревянныхъ или мѣдныхъ *братыняхъ* (ендовахъ, ковшахъ). Они до того напиваются, что все тѣло раздуетъ, даже пальцы распухнутъ и одеревенѣютъ. Опьяненіе отъ пива гораздо тяжелѣе, чѣмъ отъ вина. Впрочемъ теперь, какъ гово-

рятъ, пиво уже не въ прежней чести и ему стали предпочитать кабацкое вино. Самое любезное для нихъ дѣло—ѣздить на праздники изъ деревни въ другую и по очереди угощать другъ друга. Каждая деревня имѣетъ свой праздникъ, кромѣ храмоваго или приходскаго, и праздничанье продолжается три-четыре дня сряду. Кромѣ деревенскихъ и приходскихъ праздниковъ, празднуются 17-го августа, въ день Св. Фрола и Лавра, такъ называемыя лошадиныя имянины, а въ день Св. Власія коровьи имянины. На эти дни поселяне сводятъ лошадей и коровъ въ приходскія села и въ тѣ деревни, гдѣ есть часовни для окропленія ихъ св. водою. Въ тамошнихъ лѣсахъ много медвѣдей, на которыхъ, заключилъ станціонный смотритель, смахиваютъ и жители.

Жарки, деревенька изъ 30-ти дворовъ, стоитъ на берегу рѣчки Тебзы, впадающей въ р. Кострому. Въ Тебзѣ много рыбы, но ее не ловятъ, потому что дно рѣчки наполнено коряжникомъ и берега обрывисты. Деревня построена на низкомъ мѣстѣ и окружена топкимъ кочкарникомъ и кустами. Въ весеннюю водополь сюда налетаетъ много птицы: журавли, гуси, утки и всякая мелкая болотная дичь проводятъ здѣсь лѣто и имѣютъ *вводы* (выводки). Есть также и лебеди; но эта птица здѣсь не остается, а посидитъ недѣлю, другую, да и потянется къ Тотьмѣ.

Въ Жаркахъ самое волчье мѣсто. Зимою волки смѣло бродятъ около дворовъ, но людей не трогаютъ, а выжидаютъ собакъ: стоитъ показаться на улицѣ какой нибудь жучкѣ, чтобъ бѣдняжка попала на волчій зубъ. Лѣтъ пять назадъ, на самый новый годъ, чрезъ деревню пробѣжала такъ называемая волчья свадьба изъ 12-ти волковъ. Мужики приняли это за дурное предзнаменованіе, но, къ счастію, годъ прошелъ благополучно. Они твердо увѣрены, будто въ здѣшнихъ болотахъ и лѣсахъ водятся лѣшіе, которые кричатъ особеннымъ голосомъ, такъ что крикъ лѣшаго тотчасъ можно отличить. У филина, говорятъ крестьяне, совсѣмъ другой крикъ: онъ укаетъ и кричитъ глуше, а лѣшій кричитъ часто и звонко: «ау, увязъ!», то крикнетъ подъ самымъ ухомъ, а никого не видать, то вдругъ голосъ его отдается будто верстъ за пять. Лѣшіе кричатъ больше въ водополь. Они охотнѣе водятся тамъ, гдѣ есть колдуны, потому что нечистому пріятнѣе быть поближе къ своему человѣку. Въ Вороньѣ спокойно тѣмъ, что совсѣмъ нѣтъ

колдуновъ; а гдѣ они на бѣду завелись, тамъ на свадьбахъ имъ всегда первое мѣсто, передній уголъ: гдѣ отецъ посаженый, тамъ и колдунъ, а не то разсердится,—тогда берегись.

— Да проучить бы вамъ колдуна, замѣтилъ я разскащику.

«Какъ бы не такъ, попробуйка дотронуться до него, такъ не радъ будешь и жизни. Колдунъ и подъ наказанье подставитъ за себя другаго; съ виду будто и онъ, будто человѣкъ, а выходитъ, что это только такъ видится».

Строенія въ Жаркахъ хорошія, но на жилыя избы лѣсъ идетъ далеко не такой крупный, какой употребляется въ деревняхъ Кологривскаго уѣзда. Въ здѣшнихъ мѣстахъ и за деньги не найти матераго лѣсу; что здѣсь идетъ на избу, говорятъ мужики, то въ Кологривскихъ деревняхъ идетъ на анбарушки, да на всякія другія холостыя строенія. Отъ Костромы вплоть до Жарковъ главные крестьянскіе промыслы извозъ и пряжа, которою занимаются не только женщины, но и мужики; бородатые старики сидятъ за прялками; только пряжа ихъ погрубѣе женской. Въ Жаркахъ, а также въ селѣ Холмѣ, въ Пронинѣ, Черняевѣ, Колѣ, и другихъ сосѣднихъ одновотчинныхъ деревняхъ помѣщиковъ Горяинова и Чагина, крестьяне живутъ гусашничествомъ. Изъ 600 душъ, составляющихъ эту вотчину, половина живетъ въ Петербургѣ въ малярахъ, но болѣе въ гусашникахъ.

—Что это за гусашники спросилъ я; никогда о такомъ промыслѣ не слыхивалъ.

«Чай видали вы въ Питерѣ у купцовъ, въ лавкахъ и въ кладовыхъ, котовъ большущихъ, откормленныхъ; для этихъ то самыхъ котовъ мы покупаемъ на бойняхъ бычачьи гусаки и кормимъ ихъ этими гусаками, оттого и зовемся гусашниками, а въ Питерѣ насъ зовутъ кошачьими мясниками. Это дѣло, сударь, важное, продолжалъ разскащикъ, старичокъ, давно уже жившій на покоѣ въ деревнѣ и долгополымъ сюртукомъ своимъ на крючкахъ, учтивою рѣчью и пріемами напоминавшій городскихъ лавочниковъ;—этимъ дѣломъ вся наша волость кормится. Нашъ братъ, даромъ что въ такомъ захолустьѣ, а всѣ мы народъ бывалый, живемъ Петербургомъ. Тамъ, всякій мелочной лавочникъ насъ знаетъ. Извѣстное дѣло, что купцу, гдѣ бы тамъ ни было, на Апраксиномъ ли, на Щукиномъ ли, въ Милютиныхъ, въ Гостинномъ ли дворѣ, въ

молочной ли лавкѣ нельзя безъ кота; котъ бережетъ товаръ отъ мышей да отъ крысъ; за то купецъ бережетъ и холитъ своего кота; вотъ отъ этого самаго и завелся нашъ промыселъ. У каждаго гусашника есть свои мѣста, которыя онъ всякій день съ самаго утра и обходитъ. Если парень смышленый да расторопный, то столько у него мѣстъ и столько надо ему кормить котовъ, что иной держитъ себѣ въ подмогу по два да по три мальчика изъ нашей же волости. Лѣтомъ, гусашникъ таскаетъ провизію на головѣ, на легонькомъ лоткѣ, а самъ въ фартукѣ съ поварскимъ ножомъ за поясомъ; зимою онъ возитъ ее на салазочкахъ. На лоткѣ разложены на бумажкахъ, порціями, сырые гусаки, искрошенные на мелкіе кусочки; порціи бываютъ разныя: есть въ 1½, 3 и 5 к. с. У гусашника въ запасѣ и вѣски, на случай если прикажутъ взвѣсить порцію. Придетъ гусашникъ въ лавку или на домъ къ купцу, оставитъ порцію, какую гдѣ слѣдуетъ по уговору съ хозяиномъ, и идетъ далѣе; каждое утро надо ему обойти всѣ мѣста, а получаетъ онъ разомъ за недѣлю или за мѣсяцъ. Это дѣлое такое, что съ однимъ лоткомъ можно выручить бѣдно по цѣлковому, а не то и по 2 р. и больше въ день, смотря по тому, у кого сколько котовъ, да еще какая цѣна гусакамъ. Была имъ цѣна 25 к. с., а теперь, говорятъ, не купить гусака и за трехрублевый (75 к. с); лѣтомъ гусаки завсегда дороже, чѣмъ въ зимнюю пору. Какъ ни мѣняется цѣна на гусаки, а порціи все въ одной цѣнѣ, такъ что когда цѣна гусакамъ поднимается, тогда въ потерѣ только нашъ братъ гусашникъ. Когда гусашнику понадобится въ деревню на мѣсяцъ или побольше, то онъ прежде обойдетъ свои мѣста и скажетъ хозяевамъ: «вотъ такъ и такъ, я ухожу въ деревню, а для вашей милости поставлю за себя вѣрнаго человѣка, только вы напредки, какъ приду обратно, меня не оставьте.» Купцамъ какая надобность задерживать мужика: они, само собою, соглашаются, а гусашникъ передаетъ дѣло земляку и получаетъ съ него за это рублей до 30 ассигн. въ мѣсяцъ. А какъ вернется гусашникъ въ Питеръ, такъ и беретъ назадъ свои мѣста безъ всякаго спора, потому что такъ издавна между ними ведется. Прежде чѣмъ быть хозяиномъ, надо пробыть въ работникахъ годика три, пожалуй и четыре, безъ всякой платы, служи да угождай хозяину, чтобъ онъ потомъ

тебя наградилъ, да высматривай мѣста и привыкай ко всякимъ обычаямъ; а потомъ, у своего ли хозяина у другаго ли гусашника, можно скупить мѣста, коли своихъ на примѣтѣ мало, только за 30-ть цѣлковыхъ не купить большаго дѣла. Сдаютъ гусашники мѣста по болѣзни, или по какому другому случаю, бываетъ и такъ что иной и хорошо бы повелъ дѣло, да отъ своей дури опонкрутится, то есть значитъ—запьетъ, али въ деревню вытребуютъ парня за то, что оброку да податей не платитъ; али придетъ кому очередь въ рекруты. Иной продаетъ свои мѣста рублей за 500 ассигн.

Отъ Жарковъ до г. Галича 24 ¼ версты. На этомъ разстояніи двѣ деревни и одно село. Отъ Жарковъ дорога идетъ сначала гатью, по болоту, на 3½ версты; потомъ по ровнымъ и отлогимъ мѣстамъ до деревни Черняевой; отсюда до самаго Галича, въ виду дороги, непрерывный лѣсъ, подступающій мѣстами къ самой дорогѣ. Почва глинистая.

Въ глухую полночь пріѣхалъ я въ старинный Галичь, о которомъ есть поговорка: «Костромицы въ куцу, Галицане врознь». Полковникъ Васьковъ сообщаетъ о Галичѣ слѣдующія свѣдѣнія: городъ расположенъ на юговосточномъ берегу Галицкаго озера, представляющаго водную площадь въ 50 квадратныхъ верстъ и имѣющаго 14 верстъ въ длину и 4½ версты въ ширину. Городъ стоитъ на покатомъ къ озеру берегу и окруженъ холмами; противъ него, чрезъ озеро, виднѣется высокій сѣверный берегъ и блестятъ кресты Новозаозерскаго монастыря, основаннаго преподобнымъ Авраамiемъ въ XIV столѣтіи. Въ Галичѣ, въ 1792-мъ году, числилось жителей (между которыми, также какъ и теперь, много раскольниковъ) 1824 д. муж. и 1928 жен. п.; храмовъ приходскихъ 10, кромѣ того соборъ и монастырь Николаевскій Староторжскій; домовъ считалось 873, лавокъ 278, заводовъ кожевенныхъ 4, скорняжныхъ 5, кирпичныхъ 5, гончарный 1, солодовень 4. На сѣверовосточной окраинѣ города замѣчателенъ высокій холмъ, окруженный старинным земляным валомъ; на этомъ холму, говорятъ, стоялъ княжескій теремъ. Видны еще слѣды другаго землянаго вала, окружающаго соборный храмъ Преображенія Господня и находящагося на югозападномъ концѣ города, на лѣвомъ берегу оврага, по дну котораго пробѣгаетъ рѣчка Кишма, пересѣкающая городъ и впадающая въ озеро, которое славится снѣт-

ками и, въ особености, чрезвычайно крупными ершами. Когда въ Костромѣ подуетъ сѣверовосточный холодный вѣтеръ, сопровождаемый по большей части дождемъ, то говорятъ: «потянулъ вѣтеръ отъ ершей», т. е. отъ Галицкаго озера.

Въ торговые дни, по понедѣльникамъ и по четвергамъ, крестьяне привозили въ городъ хлѣбъ, мясо и другіе съѣстные припасы, дрова, лѣсной товаръ, кожи и пр. Городскіе жители торговали въ городѣ и возили въ Москву, Ярославль, Кострому, на Макарьевскую, Кинишемскую и другія ярмонки мягкую рухлядь, мѣха, сало, сырыя кожи, рыбу здѣшняго озера, сухую, свѣжую и мороженую, крашенину и кожи, выдѣланныя изъ сырыхъ шкуръ, закупаемыхъ въ уѣздѣ и привозимыхъ изъ вятской и казанской губерній. Главные предметы торговли были мягкая рухлядь и озерная рыба. Галичь былъ извѣстенъ искусными серебрениками и мѣдниками, занимавшимися выдѣлкою пуговицъ, ожерельевъ, серегъ и другихъ мелкихъ женскихъ украшеній. Виноградное вино доставлялось сюда изъ Архангельска, а галантерейныя вещи и шелковыя матеріи изъ Москвы и Макарьевской ярмонки. Товару привозилось въ городъ на 300,000 р., а вывозилось, по свидѣтельству г. Васькова, на 100,000 р. ас.

Сравнительно съ тогдашнимъ положеніемъ города, въ настоящее время только населеніе увеличилось одною третью, а все остальное почти не измѣнилось: неподвижное старовѣрство и невѣжество не даютъ ничему хода. По свѣдѣніямъ, изданнымъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, видно, что въ 1856 году числилось въ городѣ: церквей вмѣстѣ съ соборомъ 18, домовъ 872, лавокъ 108, жителей 2801 д. муж. п. и 3064 жен. Въ соборѣ Преображенія Господня есть чудотворная икона Богоматери; изъ 17-ти приходскихъ церквей самая древняя—церковь Богоявленія, на торговой площади, съ чудотворнымъ образомъ Богоматери Іерусалимской. Монастырей въ городѣ два: мужской—Св. Паисія и на берегу озера женскій, Николаевскій, съ чудотворною иконою Св. Николая. Въ городѣ есть нѣсколько кожевенныхъ заводовъ и прекрасная замшевая фабрика съ мастерскою замшевыхъ перчатокъ. Купецъ, основавшій эту мастерскую, выписалъ изъ Франціи отличнаго перчаточнаго мастера, который занимается кройкою и наблюдаетъ за шитьемъ мастерицъ и работниковъ; словомъ, перчаточное заведеніе

держится исключительно искусствомъ и распорядительностію иностраннаго мастера, а купецъ—какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ Россіи,—участвуетъ въ предпріятіи только своими капиталами, а вовсе не знаніемъ. Говорили, будто иностранецъ, которымъ держится все дѣло, намѣренъ съ нимъ разсчитаться. Если это случится, то заведеніе непремѣнно разстроится, а можетъ быть и вовсе будетъ закрыто. Скоро ли наступитъ то время, когда купцы и фабриканты убѣдятся, что для торговаго и промышленнаго дѣла не довольно удачи, снаровки и капитала, но что необходимо, сверхъ того, и знаніе, безъ котораго мы будемъ всегда какъ бы недоросли, въ чужихъ рукахъ, и всегда будемъ зависѣть отъ иностранцевъ.

Кожевенные и салотопенные заводы въ городѣ и окрестныхъ селеніяхъ истребляютъ здѣшніе лѣса, а потому лѣсной матеріалъ въ 1857 году стоилъ въ Галичѣ дороже, чѣмъ въ Костромѣ; такъ на пр. сажень березовыхъ дровъ, стоившая въ Костромѣ 90 к. с., продавалась въ Галичѣ по 1 р. и даже по 1 р. 15 к. с.—Таковы были цѣны на дрова въ Костромѣ и Галичѣ въ 1857 году; но съ 1859 года, вслѣдствіе быстраго распространенія въ Костромѣ и окрестныхъ мѣстахъ заводской дѣятельности,—дрова и здѣсь значительно поднялись въ цѣнѣ: въ 1860 году сажень березовыхъ дровъ стоила 2 р. 25 к. с.

Изъ Галича до станціи Кокорюкиной, 25½ верстъ, я ѣхалъ первыя 12 верстъ зимнею дорогою, по гладкой, ледяной поверхности Галицкаго озера. Здѣсь мнѣ безпрестанно попадались на встрѣчу возы съ корьёмъ и дровами, слѣдовавшіе въ село Шокшу близъ Галича. Многіе жители этого села, которое, говорятъ, богаче города, торгуютъ въ Петербургѣ. Въ селѣ 5 или 6 кожевенныхъ заводовъ; на малыхъ заводахъ выдѣлывается до 20,000, а на большихъ до 100,000 пудовъ кожевеннаго товара, который отправляется въ Петербургъ на казенныя поставки.

Кокорюкино, деревня изъ 15 дворовъ, помѣщика Лермонтова, окружена лѣсами, обилующими дичью. Крестьяне промышляютъ ружейною охотою, но болѣе ловлею на силки тетеревей, рябковъ и другой лѣсной птицы. У инаго крестьянина настороженo по деревьямъ 1000 и 1500 силковъ; раза три въ недѣлю, хозяинъ обходитъ силки и снимаетъ удавленную въ силкахъ птицу. Пара рябчиковъ стоитъ здѣсь отъ 6 до 7 к. с. Крестьяне, живущіе по на-

правленію къ Чухломѣ, мало промышляютъ силками, но предпочитаютъ ружейную охоту; они стрѣляютъ рябчиковъ на овсѣ. Убитая птица всегда дороже удавленной.

Здѣсь водится много всякаго звѣря, особенно волковъ. Однажды, сказывалъ ямщикъ мой, онъ возвращался съ двумя товарищами, послѣ обѣдни, изъ сосѣдняго села, домой; надо было имъ проходить мимо лошадиной падали, лежавшей возлѣ самой дороги. Каково было положеніе нашихъ парней, у которыхъ не было въ рукахъ ни дубинки, когда они увидѣли на падали десятокъ волковъ. Къ счастію, волки, завидѣвъ съ своей стороны мужиковъ, тотчасъ отошли отъ падали и сѣли вдоль по дорогѣ рядкомъ, и ребята, какъ ни въ чемъ не бывало, миновали благополучно кровожадныхъ животныхъ.

Кокорикинскіе крестьяне проживаютъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ въ каменьщикахъ, плотникахъ и малярахъ; нѣкоторые занимаются даже подрядами или живутъ въ прикащикахъ. Кокорикинскія бабы, замѣтилъ мой ямщикъ, не уступятъ мужикамъ ни въ какой полевой работѣ; онѣ и пашутъ и сѣютъ и молотятъ.

Отсюда, до станціи Сидоровой, 29½ верстъ, и на этомъ разстояніи я сосчиталъ 12 придорожныхъ деревень и одно село Бушнево. Это село почти на полдорогѣ и въ 25 верстахъ отъ Чухломы. Оно издавна славится торговою дѣятельностію: еще во времена г. Васькова, сюда съѣзжалось по пятницамъ, на еженедѣльные торги, отъ 1500 до 3000 торговаго народа изъ Чухломы, Парфентьева, Галича и пр.; купцы, торговавшіе съ Архангельскимъ портомъ, особенно прикащики братьевъ Юдиныхъ, привозили сюда не только красный крестьянскій товаръ, но даже шелковыя заграничныя матеріи и мѣняли ихъ на ветлужскія рогожи, хлѣбъ, сырыя кожи и пр.

Бушнево состоитъ изъ 14 двухъ-ярусныхъ, отлично выстроенныхъ изъ крупнаго лѣса избъ, крытыхъ скалою, и двухъ большихъ рядомъ стоящихъ каменныхъ церквей, обнесенныхъ, вмѣсто ограды, рядами лавокъ, составляющихъ правильный четвеpосторонникъ, по угламъ котораго возвышаются кирпичныя островерхія башенки. Эти ряды открываются только по пятницамъ въ торговые дни.

«Эво, какіе повыстроили себѣ купеческіе дома!» сказалъ ямщикъ, приударивъ лошадей, чтобъ пронестись вихремъ по улицѣ и указывая кнутомъ на огромныя избы съ пестрорасписанными ставнями и широкими, на городской ладъ, крыльцами. «Въ Бушневѣ,

продолжалъ онъ, крестьянъ мало, всего три избы, а въ остальныхъ живутъ кутьичи: вотъ эти три дома поповскіе, эти—дьяконскіе, а въ другихъ, которые поменьше, причетники. Здѣсь три священника, два дьякона и всѣмъ имъ хорошо, сыто. По пятницамъ собирается здѣсь много народа, торговля идетъ живо и веселье большое бываетъ: вотъ и качели на площади.

Это замѣчательное село, обитаемое, какъ выразился ямщикъ, кутьичами,—расположено на возвышеніи. При выѣздѣ изъ села, дорога спускается подъ гору, къ рѣкѣ, на другомъ берегу которой видна богатая, новая деревня Спирдова. Крестьяне этой деревни жили прежде въ Бушневѣ; но потомъ, для удобства, перенесли строенія ближе къ рѣкѣ. Спирдово, превосходное, по наружному довольству крестьянъ, селеніе, еще недавно принадлежало помѣщику Т**: оно выкуплено у него бывшимъ его бурмистромъ, которому по сіе время крестьяне выплачиваютъ выкупную сумму. Домъ этого бурмистра стоитъ на берегу рѣки, отдѣльно отъ прочихъ крестьянскихъ строеній, и отличается щегольскою постройкою на купеческій ладъ; наружныя стѣны выкрашены зеленою масляною краскою, а крыша красною.

За Спирдовымъ оканчивается чухломскій уѣздъ и начинается сѣверовосточный, малонаселенный и лѣсистый уѣздъ — Кологривскій.

Большія дороги костромской губерніи обсажены широкими аллеями изъ старыхъ вѣтвистыхъ березъ. Эти безконечныя аллеи тянутся почти непрерывно; въ лѣтнюю пору онѣ служатъ защитою для пѣшеходовъ, но для проѣзжающихъ совершенно безполезны и занимаютъ много мѣста. Явно, что земля ни во что не цѣнилась въ то время, когда проводились почтовые тракты. Зимою, по аллеямъ набиваются сумёты снѣга, а въ осеннюю ненастную пору дождевая вода держится между деревьями и всасывается въ почву, мѣстами песчаную, мѣстами глинистую и суглинистую. Дорога, разумѣется, нигдѣ не укатана, не усыпана щебнемъ, изрыта во всѣхъ направленіяхъ глубокими колеями, наполненными жидкою грязью, и покрыта кое гдѣ огромными лужами, которыя иногда не высыхаютъ въ продолженіи цѣлаго лѣта и въ которыя колеса уходятъ, мѣстами, выше ступицъ. Очень часто ямщики съѣзжаютъ съ мучительной дороги и ѣдутъ стороной, цѣликомъ, нерѣдко по вспаханнымъ

полямъ. Въ 1854 или 1855 году, исправникъ М***, въ ожиданіи проѣзда начальника губерніи, согналъ крестьянъ на дорогу, въ самую рабочую лѣтнюю пору, когда, какъ говорится, «день за мѣсяцъ отвѣчаетъ,» и заставилъ народъ сдирать съ дороги дернъ, очищать канавки и подравнивать дорогу, засыпая ее глинистою землею. «Такъ поправили дорогу, замѣтилъ мнѣ ямщикъ, что съ тѣхъ поръ, осенью и проѣзда нѣтъ по чухломскому уѣзду. Какая же это поправка, только грязи понакидали. Дернъ еще кое-какъ попридерживалъ землю; а теперь вся она расползлась. А еще баринъ, исправникъ; сколько народа даромъ перемучилъ. Вотъ въ галицкомъ и кологривскомъ уѣздахъ, гдѣ дорогу не поправляли, тамъ все посноснѣе: ѣхать можно; трава ростетъ, такъ она и связываетъ землю; а здѣсь, осенью, просто лошадиная смерть.»

На сидоровскую станцію я прибылъ подъ вечеръ. На встрѣчу мнѣ вышелъ на крыльцо, съ фонаремъ въ рукѣ, красивый стройный парень, лѣтъ 17. Въ сѣняхъ стоялъ большой самоваръ съ длинной трубой изъ листоваго желѣза и гудѣлъ тоненькимъ, жалобнымъ голоскомъ.

«Не угодно ли чаю», спросилъ услужливый провожатый, отворяя дверь въ свѣтлую, чистую горницу. Изъ-за перегородки вышелъ содержатель станціи, здоровый, высокій крестьянинъ, съ чертами лица чрезвычайно умными, красивыми и серьезными. По осторожному его разговору видно было, что онъ знаетъ гораздо болѣе того, что позволяетъ себѣ высказывать. Парень, вышедшій на встрѣчу, былъ старшій его сынъ и весь въ отца. Трое бѣлокурыхъ, румяныхъ и востроглазыхъ мальчиковъ забрались на полати и, подпираясь локтями, поглядывали то на меня, то другъ на друга; хотѣлось бы имъ похохотать и порѣзвиться, да боялись отца; посмотрятъ другъ на друга, начнутъ смѣяться и вдругъ притихнутъ.

Начиная отъ Сидорова къ Кологриву и далѣе, до большаго Вятскаго тракта, почтовыхъ лошадей держатъ только по одной парѣ на каждой станціи, исключительно для почты; а проѣзжающіе, хотя бы съ казенными подорожными, ѣздятъ на обывательскихъ. Здѣшніе крестьяне, лѣтъ шесть тому назадъ, сняли станціи и обязались возить земскую полицію и проѣзжающихъ по подорожнымъ, за обыкновенные прогоны, т. е. по $1\frac{1}{2}$ к. с. съ лошади за версту;

но съ вольныхъ проѣзжающихъ они берутъ дороже, напр. по 2 коп., а съ богатыхъ купчиковъ или съ тѣхъ кто не торгуется съ ними, по $2^1/_2$ к. (*).

«Бывало, сказывалъ хозяинъ, по нашему вятскому тракту было больше ѣзды и на станціяхъ держали по нѣскольку троекъ, а съ тѣхъ поръ, какъ оставили по парѣ лошадей—совсѣмъ мало проѣзжающихъ. Прежде, въ недѣлю, все два, три помѣщика непремѣнно проѣдутъ. Господа живали въ своихъ усадьбахъ, оттого и ѣзды было довольно. А вотъ, съ той самой поры, какъ началась крымская война, во весь мѣсяцъ проѣдетъ, пожалуй, только одинъ проѣзжающій по подорожной. Нонче многіе помѣщики поразбрелись изъ своихъ усадьбъ въ разныя мѣста, теперь ѣдетъ въ имѣніе не помѣщикъ, а управляющій; оттого и гону меньше; мы смѣкаемъ, что, видно, господъ вызвали на службу.»

Сидорово принадлежитъ графу Дмитріеву-Мамонову, который безвыѣздно живетъ въ Москвѣ.

Въ Кологривскомъ уѣздѣ крестьянскія строенія большія, изъ краснаго 7 и 8 вершковаго лѣса 4-хъ-саженной длины. Жилая изба, очень часто съ шестью и даже семью большими окнами на улицу,—покрывается высокою тесовою на березовой скалѣ крышею; въ подпольѣ, съ волоковыми окнами, содержатся овцы, а надъ подпольемъ жилыя горницы. Иногда, и въ нижнемъ ярусѣ, вмѣсто подполья, устроиваются чистыя жилыя горницы съ большими окнами, и тогда изба называется двужильною. Въ верхній ярусъ ведутъ двѣ лѣстницы: одна наружная, съ улицы или съ двора, а другая внутренняя, соединяющая подполье или нижнее жилье съ верхнимъ ярусомъ. Если жилая изба имѣетъ на улицу только одинъ срубъ въ три или четыре окна, то въ одной связи съ нею и одинхъ съ нею размѣровъ, а иногда и шире и выше, пристраивается по главному, выходящему на улицу фасаду, вплоть къ жилой избѣ, крытый дворъ, подъ особою высокою крышею и съ широкими на улицу воротами, надъ которыми вырублено иногда оконце, принадлежащее холодной немшоной свѣтелкѣ, служащей для хозяевъ ночлегомъ въ лѣтнюю пору, когда въ горницѣ жарко или много мухъ. Эта прохладная свѣтелка съ единственнымъ надъ

(*) Въ 1860 году поверстная плата, по всѣмъ безъ исключенія трактамъ, назначена по $2^1/_2$ к. с.

воротами окошечкомъ, устраивается обыкновенно на повѣти, на бревенчатомъ или жердяномъ стланникѣ. Нѣкоторые крестьяне не дѣлаютъ свѣтелки, а держатъ на повѣти сѣно и солому. Избы строятся и такимъ образомъ, что на улицу выходятъ два сруба, такъ что передній фасадъ, нерѣдко двужильный, состоитъ изъ 6 или 7 оконъ въ каждомъ ярусѣ. Эта изба, обращенная на улицу широкою стороною, отличается высочайшею односкатною крышею; на фронтонѣ, надъ окнами верхняго этажа, вырубается дверь и выводится балкончикъ. При такихъ избахъ, дворъ пристроивается не съ боку, а сзади, и крыша двора подводится подъ крышу избы. Если мужикъ самъ *выронитъ*, т. е. вырубитъ и самъ вывозитъ лѣсъ, то одна только плотничная и печная работа такого жилья стоитъ дороже 100 руб. сер.

Не доѣзжая 7 верстъ до дер. Сидоровой, начинается дремучій Парфентьевскій боръ. Онъ тянется непрерывно 35 верстъ и кончается въ 10 верстахъ за посадомъ Парфентьевымъ. По этому бору, который называется Парфентьевскимъ волокомъ, пролегаетъ торговый и почтовый трактъ.

Отъ д. Сидоровой до г. Кологрива 90 верстъ и изъ нихъ болѣе чѣмъ на 70 верстъ дорога идетъ густыми, темными лѣсами, отдѣляемыми небольшими открытыми пространствами. За Парфентьевскимъ волокомъ слѣдуютъ волокъ Ивановскій и Костылиха, на 16 верстъ, и волокъ Кологривскій на 27 верстъ. Въ этихъ обширныхъ лѣсахъ водятся медвѣди, олени, куницы, лисы и другіе звѣри. Въ лѣсной глуши, изрѣдка, попадаются по дорогѣ деревни. Между Сидоровымъ и Парфентьевымъ, на 18 верстахъ, въ самомъ волокѣ, есть три маленькія деревни; но далѣе къ Кологриву придорожныхъ деревень, построенныхъ въ лѣсу, если не ошибаюсь, только двѣ; остальныя селенія расположены на открытыхъ мѣстностяхъ, въ промежуткахъ между волоками. Однообразіе темнаго бора невольно располагаетъ къ тоскѣ; ѣдешь, и какъ будто конца нѣтъ дремучему бору; земля покрыта глубокимъ снѣгомъ; тишина мертвая, только гудитъ колокольчикъ да скрыпятъ полозья.

Изъ всѣхъ названныхъ мною лѣсовъ, Парфентьевскій боръ славится плотнымъ качествомъ сосны и отличными грибами, для закупа которыхъ пріѣзжаютъ сюда купцы изъ Судиславля и другихъ городовъ. Такъ какъ боръ стоитъ на пескѣ, а моховыхъ мѣстъ

и ельника почти нѣтъ, то здѣшніе бѣлые грибы и рыжики отличаются своимъ превосходнымъ качествомъ: лучше ихъ нѣтъ въ торговлѣ. Цѣна грибамъ зависитъ отъ ихъ урожая и отъ того, въ какое время года являются покупатели. Въ самую грибную пору, фунтъ свѣжихъ бѣлыхъ грибовъ стоитъ въ Парфентьевѣ 6 и 7 коп. сер., а сухіе грибы покупаются скупщиками, изъ первыхъ рукъ, отъ 13 к. до 25 к. с. за фунтъ. Парфентьевскіе грибы отправляются преимущественно въ Казань, Петербургъ и Нижній; въ Москву требуются въ небольшомъ количествѣ только бѣлые грибы и рыжики. Нѣкоторые здѣшніе торгаши, скупая грибы у крестьянъ, продаютъ ихъ въ своемъ посадѣ пріѣзжимъ купцамъ. Одинъ мѣщанинъ вздумалъ попытать счастія и самъ повезъ грибы въ Петербургъ на продажу; но онъ проторговался, и съ тѣхъ поръ никто изъ здѣшнихъ боязливыхъ, мелочныхъ торговцевъ не рѣшается повторить эту попытку.

Кологривскій волокъ, по качеству лѣса, хуже Парфентьевскаго. Хотя и онъ боровой, но перемѣшанъ мѣстами съ ельникомъ; притомъ кологривская сосна ростетъ не на сухой и песчаной почвѣ, а на мшарняхъ. Почва и порода лѣса имѣютъ, безъ сомнѣнія, вліяніе на качество и породу грибовъ. Въ сухихъ боровыхъ лѣсахъ ростутъ лучшіе бѣлые грибы, рыжики и черные грибы или боровики; тѣже самые грибы, ростущіе въ сырыхъ борахъ и въ ельникѣ, гораздо хуже и слабѣе; такъ напр. елевый рыжикъ бываетъ всегда дряблый и тонконогій, а боровой, напротивъ, твердый и на плотномъ, короткомъ корешкѣ. По этому то свойству лѣса и почвы, Парфентьевскіе грибы несравненно лучше Кологривскихъ. Отличнѣйшіе бѣлые грибы собираются около самаго Парфентьева, верстъ на 10 къ Галичу и на 5 къ Кологриву, именно тамъ, гдѣ на сухомъ пескѣ ростетъ самая чистая и не кривоствольная сосна; но лучшее урожайное мѣсто и гдѣ грибы превосходны,—возлѣ села Матвѣева. Въ Кологривскомъ волокѣ вовсе нѣтъ масляниковъ; за то, по березникамъ, есть грузди, а въ осинникѣ—цѣликъ и волнушка, называемые сѣрыми грибами (*). Въ Парфентьевскихъ лѣсахъ, на оборотъ, много масляниковъ, но вовсе нѣтъ груздей и сѣрыхъ грибовъ. Вообще, въ ельникѣ и бе-

(*) Замѣтимъ кстати, что осина, подобно липѣ, ростетъ обыкновенно на сырой, слабой почвѣ.

резникѣ водится бѣлый грибъ, въ соснякѣ—боровикъ, боровой масляникъ и рыжикъ; по березнику собираютъ цѣликъ, масляникъ и волнушку; въ осинникѣ и липѣ (липы вовсе нѣтъ въ Кологривскихъ лѣсахъ; она показывается южнѣе, именно въ Ветлужскомъ уѣздѣ)—грузди. Здѣшніе крестьяне, постоянно занимающіеся грибнымъ промысломъ, знаютъ подробно въ какихъ мѣстахъ и въ какое время года собираются грибы; словомъ, они могутъ сообщить много свѣдѣній для естественной исторіи грибовъ; къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая говорить съ грибопромышленниками и сообщаемыя мною весьма поверхностныя, а можетъ быть и не совсѣмъ точныя замѣтки получены отъ ямщиковъ. Въ послѣдніе два года, именно въ 1855 и 1856 годахъ, были вообще неурожаи на грибы, а потому и цѣны на этотъ товаръ поднялись. Самые цѣнные въ торговлѣ грибы—бѣлый, потомъ рыжикъ и груздь; за ними слѣдуютъ боровики или черные грибы; сѣрые грибы далеко не имѣютъ той цѣны, а масляники—еще дешевле.

До учрежденія въ 1778 году Костромскаго намѣстничества, Парфентьевъ былъ уѣзднымъ городомъ. Онъ стоитъ на лѣвомъ берегу р. Неи, въ самой глуши дремучаго бора. Этотъ бѣднѣйшій посадъ состоитъ изъ 80 или 90 почернѣвшихъ отъ старости деревянныхъ домовъ и лачугъ съ двумя каменными и одною деревянною церквами. Жителей мужескаго пола менѣе 300 д. Мѣщане и купчишки (такъ величаютъ ямщики 5 или 6 здѣшнихъ купеческихъ домовъ 3-й гильдіи) только тѣмъ и перебиваются, что перторговываютъ на посадѣ съѣстнымъ и кое какою мелочью, скупаютъ у мужиковъ всякую всячину на еженедѣльныхъ торжкахъ по четвергамъ и продаютъ потомъ то, что ими пріобрѣтено, заѣзжимъ купцамъ. Крестьяне привозятъ лисьи и бѣличьи шкуры, сало, скотину, медъ, ленъ, грибы, хлѣбъ, шерсть, холсты, 8-мивершковыя крестьянскія сукна, деревянную посуду и другія деревянныя издѣлія. Парфентьевскіе торговцы, обыкновенно, сами возятъ звѣриныя шкурки, скотскія сырыя кожи и корье на кожевенные и скорняжные заводы въ Галичъ и Шокшу; другіе товары возятъ, частію, въ Галичъ и Чухлому, а частію сбываютъ въ самомъ посадѣ на ярмонкахъ: Макарьевской, 25 іюля, и девятой—въ 9-ю пятницу послѣ пасхи. Стеченіе народа въ ярмарочные дни бываетъ, говорятъ, до 5000. До 1857 года, мясо продавалось здѣсь

по 70 и по 80 к. сер. за пудъ; сажень сосновыхъ дровъ стоила 70 к. сер.; замѣтимъ для сравненія, что въ тоже самое время, въ Костромѣ, обыкновенное мясо покупалось, осенью, по 70 к. с. за пудъ, а пудъ лучшей черкасской говядины стоилъ отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 40 к. сер.; теперь, постоянная цѣна простаго мяса въ Костромѣ отъ 3 р. 50 к. до 4 р. с. за пудъ, т. е. въ пятеро дороже прежняго. При началѣ крымской войны, когда потребовались въ Петербургъ, для продовольствія войскъ, въ большомъ количествѣ, съѣстные припасы, по здѣшнему тракту потянулись изъ Вятской губерніи, зимнимъ путемъ, безчисленные обозы съ мерзлымъ масомъ, которое купцы или капитальные крестьяне скупали на мѣстахъ по 2 р. ас. за пудъ, а продавали въ Петербургѣ по 2 р. сер. Многіе, даже небогатые мужики, били въ то время свою скотину на мясо и сами возили его въ Петербургъ.

Здѣшній народъ, какъ въ посадѣ, такъ и по деревнямъ—смирный, простой и охотникъ праздничать. Всю масляную, первые три дня пасхи и храмовые праздники, словомъ, дней пятнадцать въ году, мужики ѣздятъ гурьбой изъ деревни въ деревню на хмельное пиво. Пріѣдетъ напр. мужикъ изъ деревни въ другую, къ знакомому, да навезетъ съ собою не только родныхъ и свойственниковъ, но и гостей, часто вовсе незнакомыхъ хозяину; хозяинъ съ хозяйкою встрѣчаютъ пріѣзжихъ съ поклонами и всѣхъ угощаютъ, никого не обносятъ: таковъ обычай. Наберется напр. въ избу человѣкъ сорокъ, надо на нихъ ведеръ 10 пива, вина ½ ведра или ведро, да всякаго угощенья: лапши, киселя, рыбы, мяса, пироговъ. Поѣдятъ, попьютъ пріѣзжіе гости, потомъ, вмѣстѣ съ хозяевами, сядутъ въ сани или телѣги, да и поскачутъ во всю лошадиную прыть, съ пѣснями, колокольчиками и бубенчиками, въ другую деревню или село, гдѣ одновременно празднуется престолъ. Они привязываютъ къ лошаденкамъ своимъ, для украшенія, гривы и челки изъ конскаго бѣлаго волоса. На храмовые праздники сбираются обыкновенно со всѣхъ окрестныхъ селеній попраздничать не только у крестьянъ, живущихъ въ томъ селѣ, гдѣ престолъ, но и у батюшки (приходскаго священника) и у всего причта.

Какъ ни бѣденъ Парфентьевъ, а въ немъ двѣ черныя съѣстныя харчевни и два кабака, что, надѣюсь, весьма довольно на 812 го-

родскихъ жителей обоего пола (*), для образованія которыхъ, кажется, вовсе нѣтъ школы. Деревенскіе старосты часто ѣздятъ въ Парфентьевъ, какъ будто по дѣламъ, а на самомъ дѣлѣ—чтобъ покутить. Бывали случаи, что старосты пропивали господскій оброкъ, а иногда и часть подушныхъ.

Парфентьевскіе крестьяне вообще смирнѣе и уступчивѣе Галицкихъ. Проѣзжій мужичокъ только завидитъ кибитку или заслышитъ колокольчикъ,—самъ сворачиваетъ съ торной дороги въ рыхлый снѣгъ. Если ямщикъ, по желанію сѣдока, возьметъ немного въ сторону, чтобъ облегчить бѣдняку проѣздъ, то мужикъ непремѣнно сниметъ шапку, низко поклонится и скажетъ: «спасибо, кормилецъ». Здѣшніе мужики, при встрѣчахъ, всегда кланяются, снимая шапки.

Отъ Парфентьева до Задоринской станціи 21½ версты. Отъ посада дорога идетъ сначала, на 10 верстъ, Парфентьевскимъ волокомъ; потомъ, на 5½ верстъ, открытое, ровное мѣсто, съ тремя придорожными деревнями; въ отдаленіи виднѣются еще деревни, село и усадьба; на 16-й верстѣ начинается другой волокъ—Задоринской, который тянется по сю сторону станціи на 6-ть верстъ и по ту сторону на 10-ть верстъ. Послѣдняя часть волока называется Костылихой. Деревня Задоринская стоитъ въ дремучемъ лѣсу.

Отъ Парфентьева вплоть до Задоринскаго волока почва для хлѣба плохая: песокъ да камень. Хлѣбъ сѣютъ на горѣли или огнищѣ года два сряду; потомъ это мѣсто оставляютъ въ залежъ лѣтъ на десять, и когда древесныя коренья сгніютъ, тогда на старой горѣли сѣютъ хлѣбъ еще раза два безъ назема, затѣмъ надо постоянно унаваживать поле, если не хотятъ его запустить подъ лѣсъ. У здѣшнихъ крестьянъ приходится на тягло отъ 3-хъ до 5-ти коровъ и одна или двѣ лошади. Овецъ мало, потому что сѣномъ не богаты, луга плохіе; да и какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть трава на пескѣ; только и есть порядочные покосы, что около рѣчекъ. Въ 1857-мъ году покосы были вездѣ плохи.

Между Парфентьевымъ и Кологривомъ крестьянскія строенія очень хорошія и большихъ размѣровъ; часто попадаются черныя

(*) 266 мужскаго и 346 женскаго пола. См. Статистическія таблицы Россійской Имперіи за 1856 годъ.

избы, которыя многими крестьянами предпочитаются бѣлымъ, потому что лучше, будто бы, держатъ тепло. Жители имѣютъ склонность къ грамотѣ; нѣкоторыя грамотныя женщины промышляютъ тѣмъ, что обучаютъ по деревнямъ чтенію и письму. За выучку читать имъ платятъ по 1 р. и по 1½ р. с., а за обученіе чтенію и письму по 2 р. и по 2 р. 50 к. сер. за каждаго ученика. Дѣтей обучаютъ также и станціонные смотрители. Я видѣлъ у Задоринскаго смотрителя 6-ть мальчиковъ, чинно сидѣвшихъ за длиннымъ столомъ и старательно писавшихъ съ прописей, между тѣмъ какъ смотритель занимался своимъ дѣломъ въ сосѣдней комнатѣ.

Деревня Задоринская и большая часть Задоринскаго волока принадлежатъ г. Граве. Другою частію волока владѣетъ кн. Вяземскій. Оба владѣльца продали лѣсъ на срубъ Макарьевскимъ крестьянамъ и получаютъ по 1 р. 25 классигн. съ каждаго дерева 5-ти и 7-ми саженной длины. Крестьяне вырубили уже болѣе 10,000 деревъ, которыя сплавляются по р. Вохтубѣ въ Нею, потомъ въ Унжу и Волгу до Нижняго Новгорода. По условію, крестьяне платятъ за вырубку лѣса изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи въ Нижнемъ.

Въ д. Задоринской, также по Костылихѣ мѣста песчаныя, земли неудобной очень много и народу нельзя кормиться однимъ хлѣбопашествомъ, а потому, съ великаго поста, жители уходятъ обыкновенно на заработки, въ Нижній, Питеръ или занимаются рубкою лѣса.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ, по рѣдкости населенія, очень мало селъ и приходы такъ обширны, что одному священнику не управиться; въ слѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ, особенно обширныхъ приходахъ есть по два и по три священника; церкви вездѣ каменныя, хорошей постройки и содержатся въ порядкѣ.

Отъ Задоринской до Ивановской станціи 21 верста. Первыя десять верстъ—Костылиха, и на этомъ разстояніи, по дорогѣ, вовсе нѣтъ деревень. Иногда отъ почтоваго тракта отдѣляется торная узкая дорожка, смѣло врѣзывающаяся въ густой лѣсъ, и ведущая прямо въ деревню, скрывающуюся за лѣсомъ не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги. Въ Костылихѣ есть болото, верстъ на семь въ окружности; на этомъ болотѣ много оленей, которые

охотно ѣдятъ на моарняхъ *жировиху*, т. е. клюкву. Въ здѣшнихъ мѣстахъ бездна ягодъ: въ березникахъ черница и костеница, а по горушкамъ, въ соснякѣ—брусница. Поломы и огнища заростаютъ обыкновенно малинникомъ: тутъ самое любимое мѣсто для медвѣдей. Какъ ни обильна Костылиха оленями и медвѣдями, но здѣшніе крестьяне вовсе не стрѣлки и не бьютъ этихъ звѣрей. Костылицкій волокъ прекращается на 11-й верстѣ и за нимъ до самой Ивановской станціи безлѣсное и ровное мѣсто, усѣянное по самой дорогѣ деревнями. На 11-ти верстномъ разстояніи 6-ть деревень, отъ трехъ до десяти дворовъ въ каждой. Подъ деревнями земля глинистая и мягкая и есть хорошіе луга; всѣ крестьяне живутъ хлѣбопашествомъ и гораздо зажиточнѣе Задоринскихъ; на тягло приходится по 10-ти и болѣе коровъ и довольно лошадей и овецъ; нѣкоторые крестьяне высѣваютъ хлѣба до 300 четвериковъ. На огнищахъ хлѣбъ сѣется безъ удобренія до 10-ти лѣтъ сряду. Зерновой хлѣбъ продавался въ 1857-мъ году по 25 к. с., а мука около 33 к. сер. за пудъ. Крестьяне возятъ на продажу хлѣбъ въ Парфентьевъ и Кологривъ. Всѣ деревни здѣшней округи господскія розныхъ помѣщиковъ; есть напр. вотчина, душъ въ 600, г. Купріянова. Приходское ихъ село, съ двумя церквами и будто бы съ шестью священниками, находится въ верстѣ отъ Ивановской станціи; нѣкоторыя деревни, приписанныя къ этому приходу, отстоятъ на 23 версты отъ села.

Я засталъ на Ивановской станціи двухъ крестьянъ купріяновской вотчины, состоящей, по ихъ словамъ, слишкомъ изъ 20-ти деревень, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ. «Господа наши хорошіе, добрые, говорили мужики; мы безъ запрету владѣемъ и лѣсомъ и всякими угодьями, сколько силы хватитъ, и повинности платимъ небольшія. Мужикъ рубитъ себѣ лѣсъ, имъ и оброкъ платитъ и подушныя, а угодья приходятся даромъ. Сплавляемъ мы лѣсные плоты по Нелшѣ и Унжѣ въ Нижній. Въ прошломъ году сплавили тысячи двѣ деревъ и взяли въ Нижнемъ по 1 р. с. за дерево. Деремъ и бересту и возимъ ее въ Кологривъ на деготь. Сажень (кубическая) бересты продается въ Кологривѣ рублей за сорокъ, а сажень еловыхъ дровъ копѣекъ за 70 серебр. слишкомъ. Хлѣба сѣемъ на тягло примѣрно 70—80 мѣръ, а иной разъ и побольше. Вотъ я, примѣромъ сказать, посѣялъ 70 мѣръ, а намоло-

тилъ 500. Сѣемъ мы и пшеницу; у насъ она хорошо удается на огнищахъ. У заправнаго хозяина скотины въ волю: хоть бы у меня, 5 лошадей, 15 коровъ, 20 овецъ; платимъ съ тягла оброка 100 руб. и 130 руб. ассигн. Кто платитъ 130 р., тотъ не знаетъ никакой другой господской работы; а кто вноситъ 100 руб., тотъ работаетъ нѣсколько дней въ году на господской запашкѣ. Въ нашей вотчинѣ, на 600 душъ, 300 тяголъ: одни на чистомъ оброкѣ, другіе на полуоброкѣ. Полуоброчники высѣваютъ барину 100 четв. Въ вотчинѣ есть тяголъ пятокъ медвѣжниковъ; тѣмъ они больше и живутъ, что медвѣдей промышляютъ. Ходятъ они на *чернаго звѣря* (медвѣдя) артелью, человѣка по три, а случается и одному идти на медвѣдя. Въ прошломъ году одинъ медвѣжникъ убилъ десять звѣрей; за каждую шкуру выручилъ по 20 р. да за каждый пудъ сала по 10-ти руб. ас. Живемъ, не чего Бога гнѣвить, безъ притѣсненія, только тѣмъ у насъ не ладно, что управляющихъ часто смѣняютъ. Вотчиной нашей управляетъ теперь нѣмецъ, человѣкъ хорошій. Коли на міру какой споръ или несогласіе,—тотчасъ къ нѣмцу: онъ разсудитъ, пожалуй, лучше своего брата и справедливость всю, какъ надо, соблюдетъ. Вина пьютъ по нашей вотчинѣ немного: этимъ баловствомъ не занимаются; баринъ не позволяетъ. На масляной выйдетъ на тягло, пожалуй, съ четверть ведра, и полно. Въ первые три дня масляной самое большое гулянье, въ четвергъ и пятницу хоть и пьютъ, да ужъ поменьше, а въ субботу нельзя: батюшка попъ не велитъ да и старпки начинаютъ молиться. Въ году выйдетъ много ведро вина на тягло, значитъ 3 р. сер. съ тягла на вино, да пива выйдетъ ведеръ 20-ть; изъ двухъ мѣръ хлѣба мы варимъ пять ведеръ пива. Въ вотчинѣ нашей жить можно: оброки небольшіе и порядокъ есть. Нѣтъ у насъ тяжелѣе времени, какъ отдача въ солдаты. Какъ придется ставить рекрута, тутъ плачь по всей деревнѣ. Знаемое дѣло: кому не будетъ тяжело, какъ скажутъ: довольно молъ сидѣлъ на печи: слѣзай, братъ, съ полатей да прощайся, можетъ, на вѣки, съ отцемъ съ матерью».

Отъ Ивановской станціи до Кологрива 29 верстъ. Верстахъ въ двухъ отъ станціи начинается волокъ, идущій 13 верстъ непрерывною сплошною стѣною старыхъ сосенъ, елей и березъ до дер. Суховерковой, отъ которой до Кологрива не болѣе 4-хъ верстъ.

Первая половина волока, на 12-ть верстъ, принадлежитъ г. Купріянову, а другою половиною, примыкающею къ Кологриву и р. Унжѣ, владѣютъ г-жи Корнилова и Кожина.

На Ивановской станціи писарь молодой, но больной.

«Здѣсь бѣда заболѣть, проговорилъ онъ стоная, кто здѣсь поможетъ, лекарей нѣтъ. Кто заболѣлъ, такъ терпи или ложись и умирай». Грустно слушать эти стоны. А мало ли у насъ такихъ страдальцевъ, при отсутствіи медицинскихъ пособій. Боже мой! сколько еще дѣла, чтобъ доставить обществу довольство. Школы и больницы—однѣ изъ первыхъ потребностей, а ихъ то у насъ и недостаетъ.

По пріѣздѣ на Ивановскую станцію, погода испортилась; поднялась мятель; снѣгъ повалилъ хлопьями и сталъ заметать дорогу; наступили сумерки. Въ комнату вошелъ староста за прогонами: «лошади, сказалъ онъ, готовы, да не лучше ли обождать, пока не уймется мятель; вишь, какъ наметало сугробовъ; передовая лошадь хоть и надежная, а чего добраго, какъ разъ собьется съ торной дороги и увязитъ въ снѣгу запряжку, а пожалуй и опрокинетъ кибитку. Дѣло-то, батюшка, ночное; до самаго Суховеркова, на 25 верстъ, все лѣсъ да лѣсъ и ни одного жила на дорогѣ, а какія и есть деревни, тѣ за лѣсомъ, въ глуши, верстахъ въ трехъ отъ дороги,—до нихъ и не доѣдешь, заплутаешься».

Привыкнувъ ѣздить день и ночь безостановочно и притомъ поспѣшая въ Кологривъ, я не послушался старосты. Ямщикъ хлестнулъ передовую лошадь длиннымъ бичемъ, колокольчикъ забренчалъ и мы поѣхали *чистью*, а тамъ, чрезъ двѣ версты, потянулся волокъ. Въ глухомъ дремучемъ лѣсу стало вдругъ темнѣе, лошади пошли тише: мы ѣхали на угадъ, потому что невозможно было разглядѣтъ протореннаго слѣда, занесеннаго снѣгомъ. Отъѣхавъ не болѣе трехъ верстъ отъ станціи, мы попали въ какую то выбоину, кибитка повернулась на бокъ и оглобля затрещала. У насъ не было ни топора, ни запасной оглобли, а погода злилась, темнота усиливалась, и я рѣшился возвратиться въ Ивановское, чтобы ѣхать въ городъ на разсвѣтѣ.

На станціи я засталъ моихъ разскащиковъ, мужичковъ Купріяновской вотчины, угостилъ ихъ чаемъ и завелъ прежній разговоръ о здѣшнемъ краѣ.

«Что въ Ивановскомъ, что въ Суховерковѣ и подъ Кологривомъ—земля все одна, иловка. Только Суховерковская иловка совсѣмъ бѣлая, и безъ назему не родитъ; ею у насъ бѣлятъ печи и трава на ней родится самая негодная, сивунъ, ее и скотина не ѣстъ. Въ Суховерковѣ для пашни тѣмъ еще не ладно, что мѣста угористыя, въ сильные дожди вода смываетъ съ угоровъ, вмѣстѣ съ распаханою землею, навозъ и посѣянныя зерна: отъ этого на поляхъ часто попадаются лысины».

«Здѣшняя иловка все получше Суховерковской и пригоднѣе подъ посѣвъ. Нижній слой такой же бѣлый и холодный, какъ въ Суховерковѣ, за то сверху есть сѣрая земля. На горушкахъ здѣсь бываетъ сѣропесчаникъ съ камнями, а мѣстами песокъ».

«Кромѣ иловки, въ Суховерковѣ и въ Ивановскомъ есть хорошая глина: идетъ на смазку печей. На ней растетъ полина, т. е. польная трава; она спорѣе листюга и лучше для корма. Листюгъ растетъ по рѣчкамъ. Какъ ни плоха земля въ Суховерковѣ, а тамошнимъ мужичкамъ привольнѣе, чѣмъ здѣшнимъ, потому что тамъ мѣсто бойкое, на большой судоходной рѣкѣ и подъ самымъ городомъ. У Кологривскихъ мѣщанъ земли мало; они очень этимъ обижены; куда ни обернись,—кругомъ облегли городъ чужія Суховерковскія поля; по неволѣ горожанамъ надо нанимать землю у мужиковъ».

«Суховерковскіе крестьяне, правду сказать, живутъ хорошо и строенія у нихъ изрядныя, а могли бы жить еще лучше. Кому и быть богатымъ какъ не имъ? Да бѣда въ томъ, что народъ лѣнивый да любитъ попивать. Глупый они народъ, своей пользы не разумѣютъ, главное потому, что спятъ».

Отъ чего же спятъ, что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ я.

«Да такъ: лѣнятся да пьянствуютъ, потому и спятъ. Подгородные крестьяне всегда больше пьянствуютъ, чѣмъ нашъ братъ, сѣрый мужикъ, потому что подъ городомъ кабакъ близко. У Суховерковскихъ мужиковъ полевая земля хоть похуже нашей, за то у нихъ поемные луга по Унжѣ: какъ имъ не жить хорошо. Вся ихъ бѣда, что порядку у нихъ мало, даромъ что господскіе. Помѣщикъ-то самъ только разъ и былъ въ вотчинѣ, а вотчиною заправляетъ бурмистръ, изъ своихъ же, тутошныхъ мужиковъ. Старый-то бурмистръ былъ богатъ, водилъ знакомство съ купечествомъ и чиновниками, строилъ гусянки и каждый годъ гонялъ

ихъ съ дровами въ Нижній. Сначала все шло хорошо, да потомъ какъ-то свихнулся, дѣла видно не удались; вотъ онъ вздумалъ поправиться на господскія да на мірскія деньги. Хорошо еще, что дѣло скоро открылось; его смѣнили съ бурмистровъ, а деньги-то говорятъ, за тысячу цѣлковыхъ, пропали: что съ него взять? Суховерковцы занимаются стройкою гусянокъ, унженокъ и форменокъ: кто побогаче, тотъ строитъ суда на свой счетъ, а кто побѣднѣе, тотъ нанимается въ работники».

«Корниловы и Кожина берегутъ свой строевой лѣсъ: у нихъ онъ заповѣдной и крестьянамъ рубить запрещено, такъ мужички то ихъ, все равно что и мѣщане кологривскіе, покупаютъ на стройку судовъ нашу елку (въ нашемъ волокѣ больше все елка да береза; ну, конечно, есть и сосна и пихта, только гораздо поменьше); берутъ они также вырубочные билеты для рубки въ казенныхъ лѣсахъ: Кологривскій лѣсничій, только подари ему, позволяетъ рубить въ волю и безъ билета: онъ за этимъ не гонится. Вотъ Парфентьевскій лѣсничій на дѣло строгъ: онъ наказалъ крестьянъ Римскаго-Корсакова за лишнюю порубку на 10.000 р. ас.—5-ти саженное дерево казна продаетъ на срубъ за 75 коп., а 3-хъ саженное за 25 коп. Кологривскіе промышленники въ прошломъ году поубыточились: платили за дерево по 25 коп., а продавали по 20 коп. Суховерковцы понесли убытокъ и на гусянкахъ; оттого они нонче осенью и не брали вырубочныхъ билетовъ».

По разсказамъ Кологривскихъ жителей во всемъ уѣздѣ только четыре большія лѣсныя дачи не тронуты, между прочимъ Корниловой, Кожиной и князя Вяземскаго. Прочія дачи сильно повырублены и попорчены крестьянами, которые безъ всякаго расчета жгутъ лѣсъ и на огнищахъ сѣютъ хлѣбъ; имъ это привольно, потому что на огнищахъ не надо удобренія, и слѣдоват. гораздо менѣе, чѣмъ на обыкновенныхъ поляхъ, требуется труда и работы.

Не доѣзжая Кологрива, на противоположномъ берегу рѣки Унжи, расположена большая деревня Суховеркова. По широкой улицѣ лежатъ во множествѣ бревна и доски, на берегу строятся суда. Избы у крестьянъ большія и каждый дворъ или усадьба занимаетъ большое пространство, обнесенное загородью. Здѣшніе крестьяне имѣютъ прекрасный обычай жить большими семьями; два, три женатыхъ и семейныхъ брата живутъ нераздѣльно въ одной

усадьбѣ; если они не могутъ помѣститься въ одной избѣ, то строятъ въ тойже загороди другую отдѣльную избу. Съ высокаго берега, на которомъ стоитъ деревня, видѣнъ городъ и скромные деревянные домики Кологривскихъ мѣщанъ, которыхъ крестьяне называютъ *галками*. Этотъ маленькій и невзрачный городокъ находился прежде на правомъ берегу Унжи, въ 35 верстахъ выше нынѣшняго мѣста. Въ 1798 году, при открытіи Костромскаго намѣстничества, городъ перенесенъ на настоящее мѣсто, гдѣ до того времени было село Инчино. Въ старомъ Кологривѣ остались, кажется, только ветхая церковь да нѣсколько избъ.

Въ 1798 году въ городѣ было 2 церкви, 65 домовъ, и жителей 138 ч. мужскаго и 182 женскаго пола, въ томъ числѣ 6-ть купцовъ и 22 мѣщанина. Въ 1856 считалось: церквей деревянныхъ 3, домовъ 198, купцовъ 3-й гильдіи 35, мѣщанъ около 300, а всего жителей 655 мужскаго и 614 женскаго пола. Городъ расположенъ на лѣвомъ или луговомъ берегу Унжи, при впаденіи въ нее судоходной рѣчки Кичинки, протекающей чрезъ самый городъ.

По суровому климату, Кологривъ можетъ быть названъ Сибирью Костромской губерніи; въ здѣшнихъ огородахъ не созрѣваютъ ни огурцы, ни ягоды.

Я въѣхалъ въ городъ въ то время, когда народъ выходилъ изъ церкви. Всѣ были скромно одѣты: здѣсь не щеголяютъ нарядами. День былъ воскресный, базарный. На церковной площади расположены были въ безпорядкѣ возы съ крестьянскими товарами; выпряженныя лошаденки, малорослыя и довольно тощія, стояли между оглоблями и подбирали на снѣгу охабки сѣна.

Я остановился въ домѣ знакомаго мнѣ купца, гостепріимно меня пріютившаго. Дорожа каждою минутою, чтобы кончить свои дѣла, я воспользовался, однако, случаемъ, чтобы собрать отъ хозяевъ и судорабочихъ подробныя свѣдѣнія о способѣ строенія судовъ. Эти свѣдѣнія могутъ служить матеріяломъ для обстоятельной, но разумѣется, весьма скучной, по своей спеціальности, монографіи, которую по этому случаю я здѣсь и не помѣщаю.

Комната моя, съ маленькими окнами, съ покатымъ къ наружной стѣнѣ поломъ, съ выбѣленными печью и стѣнами, на которыхъ висѣли въ рамкахъ нѣсколько картинъ и портретовъ московскаго издѣлія, примыкала къ хозяйской горницѣ, въ которой, по

случаю воскреснаго дня, жена хозяина принимала гостей и угощала ихъ чаемъ. Эта женщина, набожная и добрая, по страсти къ чистотѣ, порядку и по своей заботливости, не уступитъ любой ревельской нѣмкѣ. Въ то время, какъ она мнѣ жаловалась на то, что въ Кологривѣ, по случаю раннихъ замозозковъ, не вызрѣваютъ на грядахъ огурцы и что ихъ сюда привозятъ изъ Галича и продаютъ дорогой цѣной,—дверь изъ сѣней отворилась, вошли два нищихъ крестьянина, перекрестились на образа, отвѣсили поклонъ хозяйкѣ и стали, не говоря ни слова, у самыхъ дверей.

«Здравствуйте, батюшка Петръ Ивановичь, какъ ваше здоровье?» привѣтствовала нищихъ хозяйка.

—«Плохо вижу, матушка: совсѣмъ почти ослѣпъ, да и ноги худо служатъ: вотъ еслибъ не Дмитрій Егоровъ, такъ и ходить бы мнѣ нельзя по добрымъ людямъ».

Петръ Ивановичъ мелкопомѣстный дворянинъ, владѣлецъ одной крестьянской семьи, человѣкъ старый, вдовый и, къ счастію, бездѣтный,—былъ въ Крымской компаніи въ ополченіи, возратился оттуда съ лихорадкою и глазною болью и поселился на житье къ своему крестьянину. Тяжело было Дмитрію Егорову и свою семью кормить и Петру Ивановичу служить, а Петръ Ивановичъ, когда здоровъ былъ, и тогда къ крестьянской работѣ не былъ склоненъ и любилъ сваливать работу на единственнаго своего подданнаго. Держался кое какъ Дмитрій Егоровъ, да наконецъ мочи не хватило и пошли они вдвоемъ, мужикъ съ бариномъ, побираться Христа ради. Добродушная хозяйка простилась съ ними, давъ имъ ломоть хлѣба да копѣечку; они вышли съ смиреннымъ поклономъ, и видно было изъ окна, какъ они направились къ торговой площади, пошатываясь на истощенныхъ старческихъ ногахъ, какъ будто съ похмелья, и мотая своими высокими, набитыми паклей шапками, которыхъ тульи свѣсились на сторону.

Пробывъ въ Кологривѣ двое сутокъ, я поѣхалъ въ Чухлому и Соль-Галичь. Почтовый трактъ изъ Кологрива въ эти города идетъ чрезъ Галичъ, но отъ Сидоровской станціи есть проселокъ, который, минуя Галичъ, ведетъ прямо въ Чухлому и значительно сокращаетъ разстояніе. Отъ Сидорова въ Чухлому, проселкомъ, только 41 верста, между тѣмъ какъ чрезъ Галичъ, по почтовому тракту, 106 верстъ. Разумѣется, я воспользовался этимъ про-

селкомъ, который сворачиваетъ съ большой дороги отъ села Бушнева, и по которому ѣздятъ всѣ обозы и проѣзжающіе.

Проселокъ идетъ извилинами: то пробирается онъ боровыми и еловыми, довольно уже вырубленными волочками, то идетъ по открытымъ мѣстамъ мимо деревень, которыхъ по дорогѣ 9-ть. Въ этихъ деревняхъ нѣтъ той правильности улицъ и строеній, какія наблюдаются въ деревняхъ на большихъ трактахъ. Вообще крестьянскія усадебныя строенія очень хороши, но размѣрами своими менѣе Кологривскихъ и строены изъ менѣе крупнаго лѣса: по избамъ видно, что здѣсь уже повывелись дремучіе и старые лѣса.

«Въ веселый уѣздъ ѣдемъ, заговорилъ мой Сидоровскій ямщикъ; отъ Сидорова къ Чухломѣ пошелъ народъ хорошъ и чѣмъ ближе къ Чухломѣ, тѣмъ бойчѣе,—здѣшній край потому и называется «Чухлома зеленая,» что весело живутъ. Здѣшній народъ самый что ни есть форсистый, протестованный, ученъ Москвою, да Питеромъ, не то что вино кабацкое—ему подавай чаю; хоть и въ деревнѣ живетъ, а всякое ученье и городскіе обычаи знаетъ, словомъ сказать, народъ образованный, оберъ-воръ; свои рукавицы за пазухой—чужихъ ищетъ».

«Въ нашихъ мѣстахъ только Чухлома и свѣтится, а то и шабашъ, кругомъ ужъ и не смотри,—вездѣ народъ простой, сѣрый. Къ Соли (Соль-Галичу), на прим., пойдутъ Усольцы; называемъ ихъ галками сипепузыми. За Солью волость есть Толшма, народъ зовется Толшмяками: настоящій лѣсной, самый, какъ есть, сѣрый, по городамъ не живетъ, промышляетъ только извозомъ въ Галичъ и Кострому, да сидитъ деготь, а хлѣба сѣетъ немного; только про себя. Отъ насъ къ Парфентьеву да къ Кологриву народъ также не Чухломятамъ чета, гораздо посѣрѣе: иной мужикъ, на самомъ дѣлѣ, куда богаче здѣшняго, да виду такого не задаетъ. А здѣшній народъ,—что про него и говорить,—гораздо повористѣе: здѣсь такъ бываетъ, что въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, въ другомъ блоха на цѣпи, а самъ при людяхъ фу, какимъ гоголемъ? Жену нарядитъ въ городское платье и поѣдетъ въ гости ли, въ городъ ли на ярмонку,—да вотъ ужо увидите, нонче вѣдь въ Чухломѣ ярмонка,—такъ, что твой купецъ, сбруя-то на клячѣ серебряная, дуга золотомъ писаная, сидитъ въ пошевенькахъ на коврѣ, въ енотовой

шубѣ; такъ и подумаешъ: купецъ; а онъ просто нашъ братъ мужикъ сиволапый, живетъ на фабрикѣ, али гдѣ на мѣстѣ въ Питерѣ и пріѣхалъ оттуда въ зимнее время на побывку. Въ Питерѣ-то онъ, можетъ быть, гдѣ нибудь въ кузнецахъ, съ немытой рожей, а здѣсь туда же щеголяетъ; платья одного на немъ рублей на сто. Ему бы привезти изъ Питера домой какой ни есть заработокъ деньгами, а онъ навезетъ нарядовъ; коли своей нѣтъ, такъ взаймы достанетъ шубу: дай, дескать, поносить только въ деревнѣ. У Чухломятъ ужъ такъ водится, что бѣдный отъ богатаго отставать не хочетъ; бѣдному и натужно. А когда придетъ пора возвращаться изъ деревни въ Питеръ,—денегъ то у молодца и нѣтъ, а должишки есть; что дѣлать? вотъ онъ свое нарядное-то платье да енотовую шубу и заложитъ, а потомъ или выкупитъ, какъ опять вернется въ деревню, или вышлетъ деньги изъ города».

«Каковы мужики, таковы и бабы. Мужья живутъ больше по городамъ, а бабы однѣ всѣмъ хозяйствомъ заправляютъ, да и какъ еще заправляютъ! Иная баба нашего же сѣраго мужика научитъ на дурное и на хорошее. Да и какъ имъ не быть такими: мужья-то, какъ придутъ на побывку, такъ имъ все настрочатъ: такъ и такъ, дескать, дѣлайте. Для полевыхъ работъ нанимаются къ нимъ обыкновенно батраки съ условіемъ за такую-то плату столько-то обработать пашни и выкосить луговъ».

«Отъ Дора къ Соль-Галичу народъ пойдетъ сѣрѣе. Есть очень зажиточные; есть такіе что и фарсятъ, а далеко не такъ какъ Чухломцы. Бойкій народъ Чухломята, нечего сказать: я и самъ, не то, чтобы галка или Толшмякъ; я изъ Лопасны, всего 60 верстъ отъ Москвы; а поди-ты, что здѣсь за народъ: они смѣются и надъ моимъ разговоромъ. Ну, какъ сравнять Москву съ Чухломой? разумѣется ихъ языкъ пониже нашего, а они хвалятся своею рѣчью и прямо говорятъ, что ихняя рѣчь чище Московской. Они такой народецъ, что Московскихъ за дураковъ почитаютъ. Въ Москвѣ какого нарѣчія не услышишь на постоялыхъ дворахъ: и Воронежское и Новгородское; всякой говори какъ хочешъ, никто другъ надъ другомъ не смѣется. А здѣсь чужаго человѣка какъ разъ охаютъ».

Мы выѣхали изъ мелкаго ельника на совершенно открытое и ровное мѣсто. Гладкая снѣжная равнина разстилалась скатертью и

блестѣла алмазными искрами, отражая лучи восходящаго солнца; лошади, ни мало не утомленныя длиннымъ путемъ, бѣжали веселой рысью, подъ ладъ звонкимъ, яснымъ звукамъ колокольчика. На краю горизонта, на чистой синевѣ, показался, надъ снѣжною равниной, въ блескѣ утреннихъ лучей солнца,—золотой крестъ, потомъ церковный куполъ, а вскорѣ зачернѣли множество крышъ, заборы и деревянные дома Чухломскихъ мѣщанъ. Синій дымокъ вился изъ трубъ и скоро изчезалъ въ необыкновенно прозрачномъ воздухѣ. Изъ деревень, разными проселками и съ разныхъ сторонъ, направлялись къ городу, звеня колокольчиками и бубенчиками, блестя расписанными дугами и сбруей, покрытой бляхами,—сани и пошевни, запряженныя въ одиночку или гуськомъ въ двѣ лошади. На пошевняхъ, устланныхъ коврами, сидѣли мужики въ енотовыхъ, волчьихъ и лисьихъ городскихъ шубахъ или тулупахъ, крытыхъ сукномъ, и рядомъ съ ними бабы и дѣвки въ красныхъ и желтыхъ шелковыхъ шубкахъ.

Въ Чухломѣ бываютъ по вторникамъ торги, а во вторникъ на масляной самый значительный торгъ, который не уступитъ любой ярмонкѣ; на этотъ день съѣзжаются изъ деревень Чухломята пофарсить и угощаться чаемъ въ трактирахъ и являются, по заведенному обычаю, новобрачные, чтобъ весело погулять.

Улицы маленькаго городка, который съ виду немного лучше Кологрива и въ которомъ не болѣе 320-ти домовъ, были необыкновенно оживлены; безпрестанно попадались ѣхавшіе на торговую площадь крестьянскіе возы съ товаромъ и пошевни съ важными бородатыми сѣдоками въ купеческихъ шубахъ.

Изъ станціоннаго дома, возлѣ самой торговой площади, я отправился на ярмонку. Площадь была заставлена возами, на которыхъ красовались грудами: деревянная крашеная посуда, привозимая съ Макарья, снѣтки съ Бѣло-озера, лапти, Чухломскіе озерные ерши 6-ти-вершковой длины и караси, извѣстные также своею величиною. Есть караси длиною почти въ ¾ аршина и въ 6-ть фунтовъ вѣса; ихъ возятъ на продажу въ Москву и Петербургъ; фунтъ мороженыхъ карасей стоитъ около 10 к. сер. Среди площади деревянные наскоро, изъ досокъ, сколоченные и вытянутые въ прямую улицу балаганы съ галантерейными вещами и всякими матеріями самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ, съ стеклянною и фарфоровою

посудою, иконами, картинами, книгами и пр., привлекали къ себѣ особенно много гуляющихъ и покупателей въ шубахъ; нѣкоторыя шубы отличались величавостію и преважно, будто капиталисты-аристократы, расхаживали подъ руку съ своими сожительницами въ шугаяхъ, а иногда въ салопахъ и шляпкахъ. Нѣсколько енотовыхъ шубъ стояли въ кружкѣ и разговаривали въ полголоса; двѣ изъ нихъ съ размахомъ подали другъ другу правыя руки: видно, поладили какое нибудь торговое дѣло, вѣроятно очень незначительное; но нельзя же не задать тону.

Съ замѣчательною пристойностію и важностію вела себя эта разряженная толпа, напоминавшая маскерадъ.

«Надѣньте-ко на сѣраго мужика, хоть бы на Усольца, енотовую шубу, сказалъ мнѣ купецъ, у котораго я купилъ какую-то мелочь, такъ онъ и съ шубой заберется въ кабакъ, а потомъ, какъ зашибетъ, такъ загорланитъ дуракомъ на площади и растянется всѣмъ тѣломъ на снѣгу. А про здѣшнихъ мужиковъ этого нельзя не сказать: умѣютъ поважничать, умѣютъ себя держать, а ужъ и порядкомъ покутить они мастера, нечего грѣха таить. Вотъ видать дома съ ренскими погребками и трактирами; тутъ они также первые; какъ въ хорошемъ, такъ и въ худомъ никому не уступятъ.

Городъ стоитъ на юговосточномъ, довольно низьменномъ и даже болотномъ берегу Чухломскаго озера, знаменитаго своими крупными ершами и карасями, отзывающимися, впрочемъ, нѣсколько тиною, потому что самое озеро тинистое и берега его поросли травою. Это озеро въ длину 7 верстъ, въ ширину 6 верстъ, и площадь его, на которой нѣтъ ни одного острова, равняется 37 квадратнымъ верстамъ. Ключи Санеба и Макеровка, выбиваясь изъ земли въ самомъ городѣ, бѣгутъ въ озеро. На Санебѣ были недавно слѣды землянаго вала и рва, имѣвшаго въ окружности около 3½ верстъ. Въ народѣ ходитъ молва, будто это укрѣпленіе возведено самими жителями, которые, подъ его защитою, отразили Поляковъ и шайки измѣнниковъ, бродившихъ здѣсь во времена самозванцевъ. Внутри этого укрѣпленія, на возвышеніи, и отдѣльно отъ домовъ стоитъ древній соборъ Преображенія Господня. Кромѣ собора, есть еще церковь близь торговой площади и третья церковь кладбищенская. Въ 1792 году считалось въ городѣ жителей: 388 муж. и 453 ж. п., а въ 1856 году 832 муж. и 1193 жен.

При Императрицѣ Екатеринѣ II, въ Чухломѣ былъ знаменитый торговый домъ братьевъ Юдиныхъ, производившій большую оптовую заграничную торговлю при Архангельскомъ портѣ. Юдины отправляли на своихъ корабляхъ за море: льняное сѣмя, сало и кожи, закупавшіяся въ Костромскомъ и Вологодскомъ намѣстничествахъ. Изъ за моря они вымѣнивали вино и напитки, сахаръ, сухіе фрукты и пр.; заграничный товаръ тянулся бичевой изъ Архангельска, по рѣкамъ Двинѣ и Сухонѣ, къ пристанямъ, отстоящимъ отъ Чухломы на 200 верстъ, откуда, до Чухломы, доходили обозы сухимъ путемъ. Въ самой Чухломѣ Юдины торговали въ разницу, а оптовую торговлю вели съ Москвою, Ярославлемъ, Костромою и другими городами. Прочіе Чухломскіе купцы, мало-капитальные, забирали у Юдиныхъ товаръ и торговали имъ въ разницу, а также вели торговлю свѣжею и мерзлою озерною рыбою, хлѣбомъ, мясомъ, краснымъ товаромъ и проч.

Съ тѣхъ поръ, какъ стала упадать Архангельская заграничная торговля, вмѣстѣ съ нею упала и торговая дѣятельность Чухломы и число купцовъ уменьшилось.

Въ городѣ, по суровости климата, нѣтъ фруктовыхъ садовъ, но есть огороды со всякими овощами; въ деревняхъ крестьяне разводятъ хмельники и пчельники.

Городскіе и сельскіе жители Чухломскаго уѣзда особенно склонны къ мастерствамъ; нѣкоторые занимаются иконописаніемъ; есть каретники, маляры, столяры, рѣщики и пр., многіе живутъ въ прикащикахъ у купцовъ или сами торгуютъ по городамъ и въ столицахъ, а жены ихъ, оставаясь въ деревняхъ, совершенно полновластно распоряжаются хозяйствомъ, такъ что мужья, пріѣзжающіе иногда домой по зимамъ, вовсе не вмѣшиваются въ домашнія дѣла, а отдыхаютъ и живутъ дома какъ въ гостяхъ, или, отъ нечего дѣлать, занимаются своимъ мастерствомъ, наприм. столяры работаютъ всякую мебель и продаютъ ее очень дешево помѣщикамъ.

На противоположномъ берегу озера, въ 10-ти верстахъ отъ города, возвышается скромный Городецкій монастырь, основанный ученикомъ св. Сергія Радонежскаго, Авраамiемъ, просвѣтителемъ Галицкаго края. Монастырь владѣетъ хорошими рыбными ловлями, составляющими его главнѣйшій доходъ. Авраамій, пишетъ г. Вась-

ковъ въ описаніи Костромскаго намѣстничества,—избравъ Галицкій край для своего подвижничества, построилъ сначала на Галицкомъ озерѣ (между Галицкимъ и Чухломскимъ озерами разстоянія 38 верстъ) монастырь Новозаозерскій; скоро эта мѣстность стала населяться, и Авраамій, ища безмолвія и уединенія, направился къ Чухломскому озеру и на томъ мѣстѣ, гдѣ обрѣлъ икону Пресвятыя Богородицы, соорудилъ келью и поселился въ ней. Но недолго пользовался онъ своимъ уединеніемъ. Къ святому старцу стали, мало по малу, сходиться его ученики и почитатели и вскорѣ, склонясь на ихъ настоянія, онъ поставилъ и здѣсь обитель, названную Городецкою, въ которой и погребенъ въ 1375 году.

Въ Чухломскомъ и Галицкомъ уѣздахъ вовсе нѣтъ, какъ увѣряютъ жители, ядовитыхъ гадовъ. Народъ относитъ это къ молитвамъ преподобнаго Авраамія Чухломскаго, покровителя этихъ двухъ уѣздовъ.

Походивъ по торговой площади, поглядѣвъ на Чухломскихъ франтовъ и убѣдившись, что разсказы Сидоровскаго ямщика ни мало не преувеличены,—я простился съ городомъ и направился въ Соль-Галичь.

Отъ Чухломы до Соль-Галича 45 верстъ и на половинѣ этого разстоянія станція Доръ.

На пути къ Дору, почва состоитъ изъ иловки, которая въ засуху твердѣетъ, какъ камень. Лѣтняя дорога къ Дору идетъ берегомъ озера, а зимою ѣздятъ по льду, прямо къ Городецкому монастырю, стоящему на самомъ почтовомъ трактѣ. Озеромъ до монастыря не болѣе 7-ми верстъ.

Подъ самымъ монастыремъ и также на берегу озера—деревня Ножки, а немного подалѣе—деревня Андреева. Почва по берегу озера легкая, рыхловатая; поля обработываются мужиками и бабами. Строенія въ Андреевой прекрасныя; избы украшены затѣйливо фигурными крытыми крыльцами. Крестьяне, видимо, въ довольствѣ; они занимаются ловлею рыбы въ озерѣ. Въ зимнюю пору рыбѣ становится подо льдомъ душно и она выплываетъ къ нарочно вырубаемымъ прорубямъ или къ промоинамъ, образующимся около рѣчекъ и ключей. Чѣмъ ненастнѣе погода, тѣмъ удачнѣе зимній ловъ и потому, какъ только затуманитъ и сдѣлается пас-

*

мурно, мужики съѣзжаются на проруби и промоины, въ которыхъ рыба толпится густыми стаями, черпаютъ ее оттуда сѣтками и бросаютъ въ кучи нá ледъ или складываютъ прямо на возы, стоящіе возлѣ на готовѣ, въ ожиданіи поклажи. Рыбы начерпаютъ въ иной день такъ много, что на каждаго ловца приходится по цѣлому возу. Въ деревнѣ Ножки есть мужикъ, выручающій ежегодно, отъ продажи рыбы, по крайней мѣрѣ 300 р. сер. Правда, у него три сына, которые ему помогаютъ.

«Здѣсь мужикамъ прямое раздолье, заговорилъ мой ямщикъ, уроженецъ Соль-Галицкаго уѣзда. Живутъ они подъ самымъ городомъ; угодьевъ у нихъ вдоволь: и луга хорошіе и рыбныя ловли— все подъ руками; да еще къ тому же, противъ нашего брата и подводами ихъ меньше обижаютъ. А у насъ и луговъ мало: покупай сѣно гдѣ хочешь; да и рыбу ловить негдѣ; нашъ братъ и рыбу доставай за деньги. Ужъ видно имъ такая благодать, что и рыбы и сѣна у нихъ вдоволь. Коли рыбой могутъ прожить мужики, такъ, кажись, на что бы имъ сѣно; а намъ оно было бы кстати. Такъ нѣтъ же; у нихъ всего въ волю, а намъ какъ будто на роду написано кряхтѣть. Здѣшнему крестьянину житье масленица, а намъ—великій постъ. Эво у нихъ какое озеро; а въ нашемъ во всемъ уѣздѣ, не только что рыбнаго, да и никакого озера нѣтъ. Нашъ мужикъ, противъ здѣшняго, хотя победнѣе и на наряды скупѣе, за то проще, къ церкви усерднѣе и всякаго гостя радъ принять и накормить. А здѣсь ужъ этого не жди. Здѣсь напр., хоть бы въ Андреевѣ, мужики богатые, а хлѣбъ ѣдятъ съ мякиной, вѣрьте не вѣрьте, честное слово. Случится когда сюда пріѣхать,—въ Андреевѣ у меня родная тетка,—такъ на силу выпросишь, куда пирога, краюху хлѣба. Хоть теперь въ масленицу, не жди отъ нихъ пива; скажи спасибо и за квасъ; а чужими пирогами и они рады полакомиться: не бойся, не откажутся. Народъ-то здѣшній по Петербургу да по Москвѣ шляется, такъ тамъ должно быть у Нѣмцевъ обычаи перенялъ. Не уровняешъ деревни съ деревней и рядомъ кажется, а розно живемъ. Вотъ напр. хоть бы станція Доръ, гдѣ будете смѣнять лошадей; деревня сама въ Соль-Галичскомъ уѣздѣ; Чухломскій уѣздъ отъ нея всего только въ 2-хъ верстахъ, и близко, а ужъ не то. Чухломецъ всегда нашего брата повористѣе. Тамъ во всемъ уѣздѣ росписныя золотомъ

дуги, сбруя въ серебрѣ; хоть въ запряжкѣ и кляча, за то сбруя на ней богатая. А нашъ братъ галка: у насъ сбруя по коню; какова лошадь, такова и сбруя, а не то, чтобы дрянную лошадь только сбруя красила; ну, да и жизнь другая: наши не фарсятъ. У насъ что въ городѣ, то и по деревнямъ: народъ гораздо степеннѣе и проще противъ Чухломцевъ: въ Чухломѣ бабы зачастую сидятъ въ кабакахъ да въ трактирахъ; а въ Соль-Галичѣ до этого срама пока еще не дошли».

Въ Дорѣ, также какъ и въ Чухломѣ, земля легкая, ее пашутъ косулею на одной лошади и въ другой разъ не перепахиваютъ. Хлѣбъ родится хорошо.

Отъ Дора къ Соли (Соль-Галичу), на разстояніи 23 верстъ, три селенія, въ томъ числѣ, на 12-й верстѣ, большое казенное село Коровно. Крестьянскія строенія въ этомъ уѣздѣ вообще лучше, чѣмъ въ Чухломскихъ деревняхъ. На Коровнинскихъ поляхъ почва твердая, супесокъ, сильно уростаетъ, дернится, а потому мужику съ одною лошадью не управиться. Здѣсь пашутъ на парѣ лошадей и подъ рожь подпариваютъ, т. е. пашутъ два раза.

Крестьяне около Соли занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ.

Скромный уѣздный городокъ Соль-Галичь расположенъ на обоихъ берегахъ рѣки Костромы. На правомъ берегу, возлѣ торговой площади, у ручья Шишкова, близь церкви Преображенія Господня, по простонародью Никольской, есть соляные родники. Въ 1857 году на этихъ ключахъ держалась довольно прямо, не смотря на свою хилость, почернѣвшая отъ времени и полуизгнившая изба, въ которой нѣкогда былъ насосъ для накачиванія разсола изъ колодцевъ. Сверхъ того, уцѣлѣла одна варница и домъ, гдѣ находились ванны для больныхъ. Разсолъ въ этихъ родникахъ никогда не замерзаетъ и по дну неглубокой рытвины струится въ рѣку Кострому.

Говорятъ, что около 1845 года здѣсь было шесть варницъ и соли вываривалось еженедѣльно до тысячи пудовъ. Вскорѣ потомъ солеварение прекратилось, но, въ замѣнъ того, уроженецъ Соль-Галича, откупщикъ В. А. Кокоревъ устроилъ на свой счетъ ванны при самыхъ соляныхъ источникахъ. Жители, разумѣется, были

очень этимъ довольны, потому что ванны стали привлекать отвсюду больныхъ и тѣмъ способствовали оживленію города. Впослѣдствіи, заведеніе цѣлебныхъ ваннъ было закрыто; но въ недавнее время, если не ошибаюсь, въ 1858 году, оно возобновлено тѣмъ же капиталистомъ, который сдѣлалъ этимъ истинную услугу своему родному городу. По описанію г. Васькова, разсольныхъ колодцевъ было въ его время 18-ть, и изъ нихъ выгодныхъ для варки соли 7; глубина колодцевъ была отъ 12 до 18 саженъ. Съ 1784-го по 1791-й годъ выварка соли производилась изъ трехъ колодцевъ. До бывшаго въ 1752 году пожара, соли добывалось ежегодно около 24000 пудовъ. Потомъ, добыча стала постепенно уменьшаться; въ 1791 году, на торги никто уже не явился и промыселъ былъ совершенно оставленъ. Прекращеніе промысла, замѣчаетъ г. Васьковъ, произошло отъ слабости разсола; но главное, отъ дороговизны дровъ, вслѣдствіе которой солевареніе стало невыгодно.

Въ той же части города, гдѣ соляные ключи, есть два замѣчательныхъ храма: приходская церковь Воскресенія Христова и большой двухъ-ярусный соборъ Рождества Христова. Соборъ былъ, въ началѣ, женскимъ монастыремъ и построенъ въ 1664 году, по повелѣнію царицы Марьи Ильиничны. О времени построенія храма есть надпись на серебряномъ съ святыми мощами крестѣ, присланномъ въ даръ царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ. Въ огромномъ зданіи собора, поражающемъ своею неуклюжею массивностію и толщиною стѣнъ, кромѣ главнаго, холоднаго храма Рождества Христова, есть три придѣла: одинъ придѣлъ внизу, въ сводахъ, подъ главнымъ храмомъ, въ бывшей общей трапезной женскаго монастыря. Иконы въ этой церкви старинныя, безъ окладовъ, пожалованы, говорятъ, царями. Значительное мѣсто въ этомъ придѣлѣ занимаютъ двѣ громадныя толстостѣнныя печи, могущія, каждая, свободно вмѣстить по крестьянскому возу дровъ. Этихъ уродливыхъ печей нельзя топить въ одно время, потому что тепло, въ такомъ случаѣ, уносится вверхъ и вовсе не согрѣваетъ церкви. Вообще зимою здѣсь тепло, а лѣтомъ настоящій погребъ. Другой придѣлъ, также внизу, въ сводахъ, низенькій и теплый, Рождества Богородицы; наконецъ, третій придѣлъ устроенъ на лѣстницѣ, ведущей на колокольню. Въ ризницѣ собора хранятся: крестъ съ мощами, вре-

менъ Іоанна Грознаго, Евангеліе и Апостолъ времени Петра Могилы и патріарха Никона.

Приходская церковь Воскресенія Христова была нѣкогда мужескимъ монастыремъ. Есть рукописное сказаніе, что этотъ монастырь основанъ княземъ Ѳедоромъ Галицкимъ въ 1335 году. По тому же сказанію, 18 августа 1372 года, лѣсами отъ Ветлуги, пришли сюда нагайскіе татары и луговые черемисы, раззорили поселеніе и монастырь до основанія, а жителей увели въ плѣнъ. Послѣ этого нашествія, въ 1389 году, городъ былъ возобновленъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ монастырь, построена церковь Воскресенія Христова.

Въ другой части города, на противоположномъ, лѣвомъ берегу рѣки Костромы, находится древнѣйшая церковь Успенія Богородицы. По преданію, существующему въ городѣ, во времена самозванцевъ, жители возвели близь этой церкви земляное укрѣпленіе, подъ защитою котораго оборонялись отъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ и успѣли отразить злодѣевъ. Слѣды укрѣпленія видны и теперь; въ церкви сохраняются два желѣзныхъ котла, ведеръ во сто каждый, изъ которыхъ осажденные, говорятъ, лили кипятокъ на нападавшихъ.

Въ 1792-мъ году въ Соль-Галичѣ было семь церквей (теперь считаютъ шесть церквей, потому что двѣ церкви, обѣ Николы, рядомъ стоящія у соляныхъ ключей и принадлежащія одному приходу, считаются за одну церковь); домовъ: каменный 1 и деревянныхъ 559; жителей мужескаго пола: купцовъ 123, мѣщанъ 918, дворянъ и разночинцевъ 181, и того 1221, а всѣхъ жителей обоего пола 2747.

Главная отпускная городская торговля, по свидѣтельству г. Васькова, состояла въ томъ, что купцы получали изъ Толшмы и Тотемской округи отъ 25000 до 30000 пуда дегтя, да подъ самымъ городомъ, на берегу рѣки Костромы, ломали отъ 40000 до 45000 четвертей извести и сплавляли деготь и известь, по рѣкамъ Костромѣ и Волгѣ, нагружая дегтемъ отъ 13 до 16 судовъ, а известью отъ 16 до 18 судовъ ежегодно, на сумму около 26000 руб., по тогдашнему курсу.

Статьи отпускной торговли и теперь тѣже, какія были при г. Васьковѣ, только размѣръ вывоза уменьшился. Такъ, наприм., въ

1855 году отправлено извести въ г. Кострому не болѣе 10,000 четвертей на пяти судахъ. Эти суда имѣютъ въ длину отъ 10 до 16-ти саженъ, работы весьма грубой и непрочной и сколачиваются деревянными гвоздями. Самыя большія суда, т. е. 16-ти-саженныя, поднимаютъ немногіе болѣе 2000 восьми-пудовыхъ четвертей. Известь добывается верстахъ въ 6-ти выше города, на самомъ берегу рѣки Костромы. Замѣтимъ мимоходомъ, что подъ Соль-Галичемъ, въ рѣкѣ Костромѣ вовсе нѣтъ рыбы: думаютъ, не происходитъ ли это отъ обилія извести въ береговой почвѣ. Известковый слой, имѣющій въ толщину до пяти саженъ, лежитъ на глинѣ и показывается на глубинѣ одной сажени отъ поверхности земли. Для добыванія извести, снимаютъ сначала верхній слой простой земли и добравшись до известковаго пласта, спускаются колодцемъ на его дно, до самой глины, и потомъ изъ колодца ведутъ по усмотрѣнію, гдѣ удобнѣе, отнорки или подземные ходы, врываясь горизонтально въ пластъ, саженъ на 5-ть и болѣе. Стѣнки этихъ ходовъ, для предохраненія отъ обваловъ, поддерживаются деревянными рамами.

5-го января и 24 декабря бываютъ въ городѣ однодневныя ярмарки, а еженедѣльно, по средамъ и субботамъ,—торги. Субботніе базары всегда особенно оживлены: при г. Васьковѣ, на ярмонки сбиралось до 3000 народа; крестьяне Галицкіе, Соль-Галицкіе, Кологривскіе, Буевскіе и Тотемскіе привозили сюда дикихъ птицъ, мясо, скотскія кожи, шкуры медвѣжьи, волчьи, лисьи, заячьи, рысьи, бѣличьи и пр.

Въ 1857 году, цѣны въ самомъ городѣ на нѣкоторые предметы были слѣдующія: 3-хъ-полѣнныя березовыя дрова стояли 1 р. 50 коп.; пудъ мяса 60 коп. и дороже; пудъ овса стоилъ зимою 28 коп. сер.

Климатъ въ Соль-Галичѣ суровый; по краткости лѣта и раннимъ заморозкамъ, огурцы созрѣваютъ чрезвычайно рѣдко: можетъ быть одинъ разъ въ 10-ть лѣтъ. Въ садахъ есть яблоки, но маленькія, осиновыя, совсѣмъ бѣлыя. 19 августа, въ день Фрола и Лавра, незрѣлыя яблоки непремѣнно снимаются для предохраненія отъ утренниковъ.

Городскіе жители держатъ довольно много скота; по деревнямъ крестьяне держатъ скотины болѣе или менѣе, смотря по простран-

ству и качеству луговъ; въ иной деревнѣ приходится на тягло по двѣ коровы, а въ другой—по двѣнадцати. Вообще, крестьяне Соль-Галичскаго уѣзда держатъ болѣе скотины, чѣмъ живущіе между гг. Галичемъ и Костромою. Въ лѣтнюю пору холостая скотина и по ночамъ остается на пастбищахъ, а на ночь загоняютъ на дворы только рабочую или дойную. Какъ въ городѣ, такъ и во всемъ уѣздѣ, скотина пасется безъ пастуховъ; коровы и лошади свободно разгуливаютъ лѣтомъ по городскимъ улицамъ и, собираясь около соляныхъ ключей, охотно лакомятся разсоломъ. Не въ одномъ Соль-Галицкомъ уѣздѣ, но и въ другихъ лѣсныхъ уѣздахъ: Галицкомъ, Чухломскомъ, Кологривскомъ и Буевскомъ, пастуховъ нѣтъ, а для огражденія отъ потравы,—засѣянныя поля непремѣнно огороживаются. Южнѣе Галича, именно отъ Судиславля къ Костромѣ, и отъ Костромы къ Нижнему, мѣста противъ здѣшнихъ гораздо менѣе лѣсисты и болѣе открыты; тамошніе крестьяне, по недостатку въ лѣсѣ, не загораживаютъ полей своихъ, но, взамѣнъ того, каждая деревня имѣетъ своего пастуха, который смотритъ за тѣмъ, чтобы скотина не травила засѣянныхъ полей; впрочемъ, сосѣднія деревни, изъ хозяйственныхъ расчетовъ, чтобы не нанимать отдѣльныхъ пастуховъ, сгоняютъ скотину въ одну пастушную. Гдѣ скотина, какъ въ Соль-Галицкомъ уѣздѣ, пасется одна, безъ надзора, тамъ, разумѣется, съ нею бываютъ всякаго рода приключенія. Корова никогда сама собою не отстанетъ отъ стада, но если ее напугаетъ звѣрь, то забредетъ иногда верстъ за 50; лошади убѣгаютъ еще далѣе. Здѣсь повсемѣстный обычай извѣщать другъ друга о пропавшей и найденной или приставшей къ другому стаду скотинѣ: «вотъ, дескать, туда пристала такая то скотина такой то масти: у лошади наприм. оборванъ ротъ или ухо надрѣзано»; по явкѣ, хозяинъ и отправляется за пропавшей своей животиной.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ очень много волковъ; въ зимнюю пору они смѣло вбѣгаютъ въ городъ стаями, штукъ по семи, гоняясь за собаками.

Жители Демьяновскихъ селъ, до 4000 мужскаго пола душъ, занимаются земледѣліемъ и лѣсопромышленностію; они возятъ лѣсъ на рѣку Кострому. Промыселъ ихъ тяжелый. Толшмяки сидятъ деготь, который сплавляется въ г. Кострому. Какъ въ Чухломскомъ

уѣздѣ, такъ и здѣсь, крестьяне платятъ чистаго оброка съ тягла отъ 20 р. до 35 р. сер.

Толшмяки и Демьяновскіе крестьяне, по роду своихъ промысловъ, не уходятъ далеко отъ своихъ деревень. Крестьяне прочихъ волостей живутъ во множествѣ въ Москвѣ и Петербургѣ въ печникахъ, въ штукатурахъ и каменьщикахъ. Въ деревняхъ остаются однѣ бабы; въ отсутствіи мужей, онѣ не только справляютъ все домашнее и полевое хозяйство, но еще плотничаютъ сами, рубятъ углы избъ: славно владѣютъ топоромъ; только щепы летятъ.

Крестьяне сѣятъ ленъ для себя, а не на продажу. На огнищахъ засѣваютъ яровую пшеницу, которая родится иногда самъ-12. Есть пчеловодство: у инаго крестьянина отъ 50 до 100 ульевъ; бортныхъ ульевъ вовсе нѣтъ. По временамъ въ ульяхъ заводится такъ называемая сырь, гибельно дѣйствующая на пчелъ, такъ что отъ 50 ульевъ останется иногда не болѣе двухъ.

Хлѣбъ сплавляется по р. Костромѣ, а иногда его перевозятъ сухопутно на прекрасную всегда глубокую и удобную для судоходства р. Сухону, откуда онъ слѣдуетъ въ Архангельскъ. Еслибъ желѣзной дорогой или каналомъ на разстояніи 60 или 70 верстъ соединить р. Кострому съ Сухоной, то открылось бы удобное сообщеніе съ Архангельскомъ, Петербургомъ и Астраханью. Для судовъ, строящихся на Волгѣ, было бы можетъ быть выгодно заготовлять здѣсь, по лекаламъ, или размѣрамъ, составныя части и, уложивъ ихъ на плоты, отправлять прямо на тѣ Волжскія пристани, гдѣ обыкновенно строятся суда и гдѣ эти части собирались бы, все равно, какъ это дѣлаютъ здѣсь съ домами: срубятъ на берегу всѣ части дома, съ полами, крышей и даже всей столярной работой; потомъ разберутъ или цѣликомъ поставятъ на плотъ и сгоняютъ, по рѣкѣ Костромѣ, въ губернскій городъ, на продажу. Сами покупатели собираютъ части домовъ, гдѣ имъ угодно. Лѣтъ двадцать тому назадъ, рублей за 90 ассигнаціями, можно было купить сплавной домикъ, да взять еще въ придачу саженъ 13 дровъ. Эти домики покупаются въ Костромѣ бѣдными мѣщанами для жилья, нерѣдко и достаточные люди покупаютъ ихъ для флигелька или для баньки. Подобнымъ образомъ можно бы было заготовлять на различныхъ сплавныхъ нашихъ рѣкахъ составныя части и для морскихъ судовъ.

Верстахъ въ 30 на сѣверъ отъ Соли-Галича, къ Вологодской губерніи, начинаются огромные лѣса, называемые верстовыми. Въ народѣ увѣряютъ, что эти лѣса тянутся непрерывно до Архангельска. Ѣдешь такимъ лѣсомъ: дорога узенькая, древесныя вѣтви бьютъ въ лицо, небо кажется длинною свѣтлою щелью, а по сторонамъ темный боръ, точно ночь.

Пробывъ въ Соль-Галичѣ менѣе сутокъ, я возвратился въ Кострому; вся поѣздка продолжась не болѣе 8 дней.

И. КОРНИЛОВЪ.